

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Моя подруга —
Месть

Елена Арсеньева

Моя подруга – Месть

«ЭКСМО»

Арсеньева Е. А.

Моя подруга – Месть / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,

ISBN 5-04-088212-2

В Каире похищена семья русского бизнесмена. Чуть больше суток отпущено для жизни людям, на которых неожиданно свалилась страшная беда. Вопрос похитители задают самый простой: где находится глава семьи, Виктор Яценко? Его жена Лариса, телохранитель Надежда и гувернантка маленького Марьяна должны решить: кто купит жизнь свою и всех остальных ценой предательства? А может быть, лучше молчать и ждать, что их спасет чудо? Или сжальются похитители?.. И в тот миг, когда женщины не в силах больше выдержать бесчеловечного обращения и готовы сломаться, они начинают постигать подлинную суть случившегося...

ISBN 5-04-088212-2

© Арсеньева Е. А.

© Эксмо

Елена Арсеньева

Моя подруга – месть

Русский человек любит крайности!

А. Н. Островский

– Оружие есть? – выдохнула Надежда, втолкнув Марьяну в комнату.

Не ожидая ответа, захлопнула дверь и обрушила платяной шкаф с такой легкостью, словно это была субтильная этажерочка. Дверь оказалась надежно забаррикадированной.

Марьяна зажала уши.

– Тише, Саньку разбудишь! – шепнула она по привычке, но прикусила язык, встретив яростный Надеждин взор. И все же привычка еще властвовала над ее поступками: заставила сбросить босоножки, добежать на цыпочках до двери в спальню и, затаив дыхание, заглянуть в щелочку.

Впрочем, ни Ларису, ни Саньку, если уж они действительно хотели спать, не так-то легко разбудить, особенно после утренней беготни по раскаленным и узким, как печные трубы, улочкам старого Каира. Вот и сейчас они лежали рядышком, свернувшись на широченной – что вдоль, что поперек – кровати под пышным балдахином: Лариса в белой рубашонке, Санька в белых трусиках. У Марьяны привычно стиснуло сердце – он такой худенький! Но хоть подзагорел, слава Богу.

Ярко накрашенные ногти Ларисы казались россыпью клубники на зеленом поле шелкового покрывала. Марьяна вспомнила, как Виктор, увидев эту постелищу, вдруг рухнул на колени и, воздев руки, простонал: «Какое поношение ислама... На этом зеленом знамени мы будем поклоняться Эросу!»

Лариса и Марьяна легкомысленно расхохотались, Санька, конечно, принялся допытываться, кто такой Эрос, а Надежда только поджала свои тщательно нарисованные губы – и ничем более не выдала неодобрения дурачеству Хозяина. А ведь кто знает, подумала сейчас Марьяна, может быть, именно эта неосторожная шутка и назвала на их беспечные головы весь этот нынешний кошмар, такой внезапный и необъяснимый?..

Грохот вырвал ее из оцепенения. Торопливо прикрыв дверь в спальню, она оглянулась и увидела, что шкаф-защитник ходуном ходит: люди, которые пытались отодвинуть его от двери, были уж никак не слабее Надежды! А та стояла на коленях, оперев о комод руки, в которых сжимала пистолет.

– Оружие есть, говорю? – сердито переспросила она. – Да уйди ты в угол, укройся, ради Христа, ты же на линии огня!

Марьяна послушно метнулась за диван, все еще не понимая, что происходит, однако вид воронено поблескивающего «макарова» заставил вытащить из сумочки миниатюрную газовую «беретту», сам факт обладания которой прежде доставлял ей немало приятных минут – до самого последнего мгновения, когда «беретта» появилась не только ради любования ее совершенной формой, но, наверное, и для своей страшной работы.

Круглые тоненькие, словно наведенные китайской тушью, брови Надежды взлетели:

– Боже упаси тебя из этой дуры стрелять!

– Почему? – задиристо спросила Марьяна, чувствуя разом и облегчение, и обиду. – Я могла бы...

– Ты могла бы нас всех сразу же вырубить здесь, в четырех стенах! – рывкнула Надежда, не спуская глаз с двери, и вдруг Марьяна увидела, как в белой, покрытой золоченой лепниной створке появилась маленькая кругленькая дырочка; что-то тихо гавкнуло в коридоре, и тут же огромная ваза с розами, стоявшая совсем рядом с Марьяной, разлетелась вдребезги, а малиновые мокрые лепестки усыпали пол.

– Пригнись! – взвизгнула Надежда, и только теперь Марьяна поняла, что глухое тявканье в коридоре было не чем иным, как заглушенным звуком выстрела.

В них стреляли! Не просто хулиганы преследовали двух белых женщин. В них стреляли!

– Что вам нужно? Я позвоню в полицию! – закричала Надежда на своем ужасном английском, который без опыта общения с ней мало кто мог понять.

Телефон стоял в углу, на ажурном столике, и Марьяна уже изготовилась ползти к нему, потому что звонить в полицию – это было самое разумное, что они сейчас могли сделать, но тут стало ясно, что Надеждины слова все-таки поняты нападающими: выстрел рассеял по комнате золоченые осколки телефонного корпуса, а за дверью раздался одобрителный возглас.

– Е-мое! – пробормотала Надежда. – Что же это делается, а?!

Марьяну до дрожи напугало помертвевшее лицо всегда невозмутимой «железной леди», как называл Надежду Виктор. А еще он звал ее БМП – боевая машина пехоты, но это когда сердился, а чаще: «броня крепка и танки наши быстры», «мой бронежилет» или просто – «последняя надежда», потому что Надежда, с ее фигурой цирковой акробатки и внешностью размалеванной матрешки, была его бессменным, вот уже пятый год, личным телохранителем.

– Черт, черт, черт! – выкрикивала Надежда. Пистолет в ее руке трижды вздрогнул, и Марьяне показалось, будто он трижды выстрелил не пулями, а этим коротким словом. – А чего это я сижу? Где Витька? Почему он здесь, а я там?

– Наоборот, – поправила Марьяна, припав к парчовому подлокотнику дивана. – Он там, а ты – здесь. И что значит – почему? Здесь же Лариса! И Санька! Их надо охранять!

– Ну уж, имела я их в виду! – отмахнулась Надежда. – Мне платят не за то, чтобы я за Ларискиной юбкой следила. Санька – это вообще твоя забота, барышня, а мое место рядом с Хозяином. Может, он где-то с простреленной головой лежит, а я тут с тобой лясы точу!

В ее зеленых выпуклых, как бусины, глазах вдруг всплеснулся безрассудный бабий страх, и будь у Марьяны сейчас побольше времени, она непременно задумалась бы, а в чем, собственно, кроются корни воистину собачьей преданности Надежды Виктору – и глухой, сдержанно-почтительной, но нескрываемой неприязни к его жене. Однако сейчас было не до психоанализа. Стоило только вообразить, что произойдет с Санькой, Ларисой и с ней самой, Марьяной, если фанатичная Надежда вдруг решит бросить их и прорываться с боем на выручку Хозяину... А Виктор небось и ведать не ведает, в какой они попали переплет: сидит себе по горло в зеленой нильской воде на вилле Азиза или в его кабинете, занятый – также по горло – своими таинственными и опасными, как змеиный клубок, делами... Сбежит Надежда, а она, Марьяна, с этой бесполезной «береттой», останется единственной защитницей Ларисы и Саньки! Стоило лишь подумать об этом, как слезы невольно навернулись на глаза.

Надежда покосилась на ее вытянувшееся лицо и зло ощерилась:

– Да не реви! Что я, больная – под пули лезть? Волей-неволей будем тут вместе сидеть! Однако какого черта им надо, этим жареным петухам?

«Жареные петухи» – в устах Надежды был почти комплимент. Ненависть ее ко всем неевропейцам стала в команде Виктора Яценко притчей во языцех. Не раз ему приходилось отказываться от опытных, с прекрасными рекомендациями охранников, шоферов и прочего персонала только потому, что они принадлежали к лицам, как принято выражаться, «кавказской национальности», и Надежда ставила вопрос ребром: они – или она. Надежда отказывалась сопровождать на рынок повариху Ирочку, потому что там было «полно черных». Кавказские конфликты были для нее подарком судьбы! Однако обойтись без контактов с арабами Виктор никак не мог, в этом был смысл его бизнеса, и в Египте Надежде приходилось держать себя в руках. Впрочем, на переговоры ее не брали: мусульмане не допускают женщин на секретные переговоры, даже если это БМП. От вида двух других охранников, белокурых бесстых Григория и Женьки, подкашивались ноги у любого темнокожего смельчака, ну а женщин здесь не принимали всерьез. Однако с местными жителями Надежда общалась с видом край-

ней брезгливости, а уж когда встречала негра – ее отвращением к «черномазому» мог бы восхищаться самый ярый куклуксклановец. Надежда была крутая, отъявленная расистка, и это служило поводом для неисчислимых шуточек в окружении Хозяина, однако сейчас впервые в голосе Надежды, кроме презрения к «жареным петухам», звучала еще и озабоченность, и даже нечто вроде встревоженного уважения.

– Что им надо? – вяло повторила Марьяна, сползая на пол: она вдруг как-то сразу обесилела, все сделалось безразличным, даже пальба из-за двери. – Может, и правда: Виктора уже убили, теперь наша очередь.

Надежда метнула в нее испепеляющий взор:

– Дура! Дура! Если он убит – какой смысл в нашей смерти? Уходит Виктор – уходит все: контакты, адреса, проекты, суммы, будущие договоры... Если убрать Саньку с Ларисой – точнее, Саньку, потому что кому нужна эта киска?! – Виктор все равно что тоже убит. Его тогда ничем не проймешь. Его тогда хоть напополам режь!

Какой кошмар все эти разговоры!.. Однако кошмар продолжается. И на полицию, судя по всему, рассчитывать не приходится: если ее до сих пор нет, значит, никто не поднял тревогу. Ох, ну зачем, зачем понадобилось Виктору послушаться Ларису и забраться на эту экзотическую каирскую окраину, ведь для него не только отели в районе Баб-аль-Хадид, Клот-бей и вокруг мечети святого Хусейна, даже «Дар-ас-Салам», даже «Александрия» не роскошь, а так себе, номерки по средствам! Что прельстило его в этой уединенной вилле, кроме названия «Клеопатра» и почти опереточной роскоши, столь контрастирующей с прилегающими районами Старого Мисра, одного из старейших кварталов Каира?

И вот вам результат, как в той песенке. Отсюда хоть три года скачи – ни до какого полицейского не доскачешь!

Новые щелчки-выстрелы вырвали Марьяну из страшных раздумий и слились с сердитым плачем Саньки.

«Разбудили ребенка! А вдруг начнется приступ?!» – вскинулась Марьяна, и страх ее вмиг исчез.

– Почему не стреляешь? – воскликнула она, пытаясь сквозь пыль, оседавшую с простреленных стен, разглядеть, не задело ли Надежду: пышнотелый диван оказался для Марьяны отличным прикрытием, а вот какво за крошечным комодиком?

Однако за комодиком Надежды не оказалось. Марьяна только собралась удивиться, как вдруг ее кто-то потянул за ногу. Взвизгнув, обернулась – и увидела Надежду, которая, распластавшись на полу, легко скользила к двери в спальню, умудряясь при этом тянуть Марьяну за пятку и грозить кулаком, призывая к тишине. Марьяна плюхнулась плашмя и успела оказаться за спасительной дверью прежде, чем гостиную прошила новая очередь, искромсав две драгоценные чеканные вазы, только вчера подаренные Виктором жене и якобы добытые в гробнице какого-то фараона – не самим Хозяином, конечно, но тем не менее древние подлинники.

Не успела Марьяна подняться на ноги, как Санька с радостным писком скатился с кровати, налетел на девушку и покрыл ее лицо шквалом мелких, щекочущих поцелуев. Ей-Богу, он ни чуточки не был напуган. Пожалуй, даже не слышал пальбы, а проснулся от грохота стекла.

– Ах ты, мой лизун ненаглядный! – пробормотала Марьяна – и горло стиснуло от самозабвенной нежности к этому чужому сыну, от его милого детского запаха, от той беззаветной любви, которую мальчишка щедро дарил своей гувернантке – мамке-няньке, как насмешливо называла ее Лариса, если и ревнуя к Марьяне сына, то никогда не снисходя до того, чтобы эту ревность обнаружить.

Сейчас Лариса на них тоже не взглянула. Все еще в одной рубашке, она стояла у окна и осторожно всматривалась в улицу сквозь шелковые зеленые жалюзи.

– Там еще двое, – не оборачиваясь, сообщила она, да так спокойно, словно готовилась к сегодняшней стрельбе как минимум за год. А впрочем, подумала Марьяна, не исключено, что

и впрямь готовилась: жене Виктора Яценко надо быть ко всему готовой. И вообще, вид у нее был такой невозмутимый, будто Надежда и Марьяна не вползли в ее спальню из насквозь простреливаемой гостиной, а, например, явились из ресторана, стуча каблучками и мило болтая. – Но очень тщательно скрываются. Их тени дастаров выдали, иначе я бы нипочем не догадалась.

– Тени? – недоверчиво переспросила Надежда.

Пригнувшись, приблизилась к окну и коротко хохотнула:

– Во козлы! И впрямь – самого мужика не видно, а тень чалмы торчит. Снять бы его, мудилу!

Она вскинула пистолет, да спохватилась:

– Нет, потом. А пока помогайте, барышни! – И, натужась, поволокла с кровати огромный, тугой и скользкий матрас.

– Не проще ли позвонить в полицию? – лениво предложила Лариса, и тут Марьяна впервые заметила тень растерянности на лице Надежды:

– Ч-черт... сотовый остался в сумке, а сумка в гостиной!

Да, в гостиную уже не вернешься, телефончик не заберешь! Лариса презрительно искривила губы:

– Странно, что ты пистолет успела из сумочки достать.

– Пошла ты, – буркнула Надежда, сражаясь с матрасом. – Твой-то сотик, например, где? Опять забыла на подзарядку поставить? Так вот и молчи. Да помогайте же, дуры!

«Дуры» наконец-то сдвинулись с места. Втроем они почти запросто воздвигли матрас возле двери, а рядом нагромодили всю мебель, какую только смогли перетащить. Эту баррикаду взяла бы лишь граната или даже противотанковое ружье, так что появилось время передохнуть: судя по звукам, нападающие все еще сражались с первой линией обороны, платяным шкафом. Слава Богу, вернее, Аллаху – шкаф почему-то поставили в гостиной, а не в спальне.

В антракте Лариса закурила, Марьяна села в уголке с Санькой на коленях, а Надежда вернулась к окну.

– Странно, почему здесь нет серьезной засады? – проворчала она, украдкой приподнимая планочку жалюзи. – Логически мысля, тут взвод мог бы стать – пусто, как на кладбище!

Да уж, по сравнению с соседней улицей, куда вилла была обращена фасадом, эта казалась погруженной в вечный сон. Дома, лишённые окон и дверей, выходящих на улицу, представляли собой унылую и однообразную линию голых стен с отвалившейся штукатуркой.

– Еще и розы эти дурацкие, – с ненавистью продолжала Надежда, косясь на гирлянды мелких белых розочек, обвивших стены и бесцеремонно залезавших в комнату. – Готовая лестница, поднимайся и входи!

– Лестница? – пробормотала Лариса, виртуозно выдувая изо рта голубое колечко и задумчиво глядя на него. Казалось, будто ее туманный, с поволокою взор гипнотизирует колечко: оно не таяло, а медленно дрейфовало к восхищенному Саньке. – Так ведь по лестнице не только подняться можно, но и спуститься...

Марьяна и Надежда переглянулись поверх белобрысой Санькиной головенки.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросила Надежда.

Лариса глянула насмешливо – и Марьяна в который раз изумилась ее самообладанию (или глубочайшему равнодушию, что вернее всего):

– То и имею! Прикажешь сидеть здесь и ждать, пока всех нас перестреляют, как голубок, а за ним придут?

– Предлагаешь, чтобы ты с Санькой... – сбивчиво, взволнованно начала Надежда, но Лариса покачала гладко причесанной темной головкой:

– Я знаю, что ты меня полной идиоткой считаешь, но не до такой же степени!

Она глядела на Надежду сквозь ресницы, медленно поводя алым, длиннющим ногтем вокруг припухшего, словно бы всегда нацелованного рта. От этого жеста, Марьяна знала, Вик-

тор тотчас принимал боевую стойку, а сейчас Лариса откровенно дразнила Надежду, которая, хотя и знала наизусть слабости Хозяина, никак не могла обратить их в свою пользу, пока на его горизонте маячила Лариса. И Марьяна подумала, что, если Лариса так явно задирает Надежду, значит, не столь уж она и отстранена, как принято думать, от всего на свете, не так уж ей и наплевать на все и вся, кроме себя и своих мыслей. А еще, выходит, она безошибочно знает Надежду и ее натуру и понимает, что ни злость, ни ревность, ни откровенная неприязнь к хозяйке не дадут ей отвлечься от исполнения долга.

Впрочем, дело сейчас было отнюдь не в привычной дуэли этих двух женщин, а в том, что Марьяна почему-то ничего не понимала из их словесной перестрелки. То есть она догадалась, что всем вполне можно спуститься на ту пустынную улицу по розовым плетям, а потом убежать хоть в полицию, хоть в посольство, но этот столь простой и очевидный план и Надежда, и Лариса почему-то считают идиотством. Почему?

– Почему?! – возопила Марьяна. – Да они вот-вот ворвутся и всех нас изрешетят!

– Хотели бы – давно ворвались и изрешетили бы, – огрызнулась Надежда. – Они явно не хотят грандиозной бойни, чтоб не зацепить, кого не надо.

Она говорила быстрым шепотом, потому что, судя по голосам за дверью, гостиная уже была взята противником.

– А кого не надо? – наивно спросила Марьяна: видно, крепко перенервничала, колесики в мозгу ну никак не поворачивались!

– Да уж не тебя или меня, – хмыкнула Надежда. – И даже, может, не ее. – Быстрый, пренебрежительный кивок в сторону Ларисы, вроде как «один – один».

Ларисина соболиная бровь круто выгнулась:

– Напрасно ты так думаешь. Полагаю, я способна украсить любой гарем, хоть бы и самого султана.

– Султаны в Турции, дурища, – огрызнулась Надежда. – А здесь только фараоны, да и те в пирамидах. Что, хочешь с мумией потрахаться? Впрочем, тебе, верно, все равно с кем! Только на это и годишься, кошка мартовская. Подумаешь, сокровище! Больно много о себе воображаешь! Вся твоя ценность для Витьки – что Саньку ему родила. Я же знаю, что он тебе грозил: не родишь ребенка – пошлю, мол, к черту со всем твоим сексом!

– Эротикой, Надя, – с легкой усмешкой поправила Лариса. – Эротикой. Пора запомнить. И еще помни, курочка ряба: когда-нибудь я рассержусь... так рассержусь, что тебе никакой Витька не поможет!

– Да замолчите! – отчаянным шепотом вскричала Марьяна, ужасаясь, до чего вмиг выплеснулась – будто перебродившая брага! – всегда тщательно сдерживаемая и контролируемая вражда. О нет, ненависть. Нашли, ей-Богу, время ненавидеть друг друга, дурищи!

Марьяна от злости стиснула хрупкие, загорелые плечики Саньки так, что он запищал и начал вырываться.

– Надо бежать скорее, а не болтать всякие глупости!

– Вот-вот. Для этого нас и выжимают отсюда, – кивнула Надежда, отводя бешеный взор от Ларисы и мгновенно обретая спокойствие. – Только спустимся по стене, как всех аккуратненько уложат на месте, а Саньку схватят. Он-то им и нужен скорее всего. За него Виктор все отдаст, сама знаешь!

Да, Марьяна знала. Сказать, что Хозяин без памяти любил своего пятилетнего сына, – все равно что ничего не сказать. Это было за гранью обычных человеческих чувств. Иногда Марьяне казалось, что, как ни дико это звучит, Виктор сам зачал, выносил и родил Саньку, а Лариса просто сыграла вспомогательную роль, послужила неким подобием инкубатора. И ради Саньки Виктор, конечно, на все пойдет, все отдаст. Весь свой бизнес псу под хвост бросит!

– Те двое – снайперы, конечно, не просто так сидят в схоронке, – пробормотала Надежда, вновь прикрывая жалюзи.

– Что же делать? Здесь ждать? – не унималась Марьяна. – А если у них кончится терпение? Или вернется Виктор? Или на шум заглянет какой-то сумасшедший полицейский – в смысле нормальный? Что, они просто так все бросят и уйдут?

– Ждать тоже нельзя, – наконец хоть в чем-то согласилась с нею Надежда. – Но и всем бежать нельзя. Отсюда должны уйти только двое – женщина с ребенком.

– А если их подстрелят те, кого ты видишь на улице? – Марьяна гибко встала, не выпуская Саньку. Сердце от страха за него готово было разорваться.

– Ну, я ведь не совсем безоружна, – усмехнулась Надежда. – Да и, сама знаешь, в тридцати шагах в карту промаху не дам, разумеется, из знакомых пистолетов. Сквозь двери, наобум Лазаря, мне стрелять смысла нет, а этих двух я вмиг сниму, когда они увидят добычу и забудут об осторожности. То есть спуститься можно относительно безопасно. И – бежать, бежать! Конечно, за окном следят не только эти двое, так что бандиты скоро поймут, что добыча уходит. Бросятся, конечно, в погоню...

– И что? – прошептала Марьяна. У нее даже голова разболелась от нелепости, от ужаса этого разговора. – Их схватят, Саньку схватят, а мы с тобой тут отсиживаться будем?

Лариса тихонько рассмеялась и пошла к гардеробу. Открыла его и, минутку поразмыслив, принялась вынимать одно за другим свои сногшибательные платья, раскладывать их на разоренной кровати. А Надежда вдруг зашла в отборном, классическом мате – любой зек позавидует. Раз в полгода она себе позволяла «расслабиться», но не при Саньке же!

Марьяна машинально прижала к его ушам ладони, но он увидел, что мать уже откровенно хохочет, и сам тихонько захихикал.

– Тебя, случаем, не контузило, барышня? – внезапно остановив поток брани, спросила Надежда. – Да ведь Лариска с Санькой тут останутся, неужто не ясно? Ты спустишься, ты! Лариску ты изображать будешь.

Несколько мгновений Марьяна невидящими глазами пялилась в лицо Надежды, пытаясь сквозь звон в ушах понять, что она там несет.

– Я-а? – протянула недоверчиво. – Ты шутишь? Почему? Как?..

– Иншалла! – развела руками Лариса, придиричиво оглядывая зеленый крепдешиновый комбинезон с просторными шортами и золотистым кушаком. – Вот это тебе здорово пойдет, твой стиль. Сандалии надень, не туфли: в них бежать легче. Выбирай любые.

Она выгребла из-под кровати ворох разноцветных кожаных ремешков с путаницей подошв, а потом проворно сдернула с ноги золотой ажурный браслет для ног, хальхаль, и защелкнула на Марьяниной щиколотке:

– Это самая достоверная деталь. Если за нами следили, то не забудут, как я его покупала!

Да уж... Лариса, очевидно, вспомнив боевое прошлое на конкурсе красоты «Стиль а-ля русс», откуда ее и снял в свое время Виктор, устроила такое представление с примеркой множества золотых, серебряных и даже медных браслетов, что толпа собралась, будто на танец известнейшей амели, исполнительницы танца живота. Арабы выражали свое восхищение Ларисой столь темпераментно, что у некоторых длинные рубахи – галабеи внизу живота просто-таки торчком стояли! Марьяне пришлось щедро заплатить хозяину, чтобы показал черный ход из лавки. Он тоже рисковал: два могучих каирца уже сошлись врукопашную, а третий схватил с прилавка хоть и сувенирный, но вполне смертоубийственный кинжал, готовый в бою добыть белокую перо...

А что, если в той лавочке пылали не только петушино-жеребьячи страсти? Что, если там уже была предпринята попытка, пусть неудавшаяся, расправиться с ними? Ведь Надежде нипочем не сдержать свору разгоряченных, на все готовых самцов!

Эта догадка ошеломила Марьяну до полного ступора, так что она не тотчас осознала, что Надежда с Ларисой, стащив с нее блузку и юбку-оттоманку, уже натягивают роскошный комбинезон.

– Да перестаньте, девчонки! – нерешительно отбивалась Марьяна. – Давайте я лучше просто так спущусь и в полицию сбегаю!

– Тебя «просто так» прямо на стенке подстрелят, не сомневайся, – сурово кивнула Надежда. – И даже если добежишь до участка, кто тебя слушать будет? По здешним законам факт преступления должен быть засвидетельствован двумя мужчинами или одним мужчиной и двумя женщинами. А действительными считаются только показания, данные правомочными свидетелями, то есть лицами, которые пользуются репутацией добродетельных и благонамеренных людей. Думаю, ты не годишься на эту роль, барышня.

– О премудрая! – засмеялась Лариса. – То есть даже если эти местные менты увидят следы побоища, то не поверят своим глазам, пока не сыщутся два правомочных свидетеля?

Ловкие руки тем временем делали свое дело: Марьяна уже была одета, но, цепляясь за соломинку, воскликнула:

– Разве меня можно принять за Ларису? А глаза? А... волосы? Выдумали какой-то авантюрный роман!

– В жизни ни один сюжет не бывает недостоверным, – деловито произнесла Лариса и жестом фокусника обернула вокруг головы Марьяны белый шарф, прикрыв лоб, а потом так причудливо и ловко свернула узел на затылке, словно он и впрямь маскировал не легкие русые локоны, а черно-рыжую тугую косу. На переносицу Марьяны водрузили огромные темные очки в белой оправе, по губам жирно, далеко выходя за их очертания, мазнули Ларисиной любимой помадой цвета цикламен – и вот уже Санька, изумленно глазевший из угла, протянул:

– Марьяша, сними платок, а то ты прям как мамочка! Я вас перепутаю!

– Вот! – радостно прищелкнула пальцами Надежда. – Вот так! Все тип-топ! Ну, давай, девочка, работай! – И она потащила Марьяну к окну, однако та вывернулась и, сорвав очки, грубо нахлобучила на нос Надежде:

– Отстань! Никуда я не пойду!

– А чтоб у тебя зубы не в рядочек, а в кучке росли! – смешно ругнулась Надежда, а поскольку была белорусской и порою, забывшись, говорила с акцентом, прозвучало примерно следующее: «А каб у цябе зубы не у радочак, а у кучцы рослы!»

Это было безумно смешно, и прежде, когда новогрудковское Надеждино происхождение себя вдруг выказывало, свидетели просто-таки помирали со смеху. Однако сейчас даже Санька не хохотнул, а Марьяна, белая, как ее шарф, прошипела:

– Ну, я – Ларису, а Саньку кто изображать будет? Ты, Надежда, что ли? Тогда давай, переодевайся!

Швырнув в остолбенелую БМП Санькиными шортами, она отвернулась к окну и, едва сдерживая слезы, уставилась на знойное марево, плывущее над глинобитными крышами Старого Мисра: «Григорий! Где же Григорий?..»

* * *

Да нет же, нет, она не знала, что так обернется, иначе разве согласилась бы? Разве взяла бы тогда те деньги? Ведь с них все и началось, если хорошенько подумать... Однако могла ли Марьяна хоть о чем-то думать в ту минуту, лежа посреди площади Свободы, с гудящей головой, беспомощная, не ощущавшая своего тела, а только раздирающую боль в левой ноге, и боль эта, чудилось, еще усиливалась от пронзительного женского вопля в вышине, там, где столпились люди:

– Да ты же ей ногу сломал, мафик поганый, своей иномаркой!

Марьяна попыталась приподняться, но в глазах все поплыло, и она снова откинулась навзничь, тупо повторяя: «Ногу сломал... ногу мне!..» Но даже эти страшные слова не могли прервать оцепенения, пока вдруг что-то ледяное, отрезвляющее, не легло на лоб и поплыло

по вискам, потом нежно, влажно запахло талым снегом, и она близко-близко увидела чьи-то огромные, бело-голубые от ужаса глаза на бледном лице, чуть заросшем рыжеватой щетиной.

– Ты как? Жива? – прошептало лицо, и в глазах плеснулась такая неподдельная жалость, что Марьяна невольно всхлипнула. – Больно? Ой, Господи, ну как же так...

– Помогите мне встать, – прошепстала Марьяна прыгающими, непослушными губами, вновь пытаясь приподнять голову, но незнакомец погладил ее перемешанные со снегом волосы:

– Тихо, лежи. Нельзя вставать. Я ведь и правда, кажется, тебе ногу сломал...

– ...мафик поганый своей иномаркой, – как попугай, продолжала Марьяна, вдруг забыв о боли: незнакомец-то незнакомец, но она где-то видела это лицо, видела, точно!

– Слушай, – торопливо прошептал «мафик», – если сейчас налетят менты – мне все, полная пропасть. Опаздываю смертельно, срывается контракт с арабами, а главное, кому вообще привод нужен? Только не мне!

Задумался на миг, прикусив губу, а потом выхватил что-то из-за пазухи, сунул в руку Марьяны, стиснул пальцы.

«Что-то» хрустко, бумажно зашуршало.

– Вот, у меня с собой только штука баксов, было побольше, да я сыну кое-что купил... извини, не знал ведь, что понадобятся. Возьми их, а?

Рыжеватые ресницы часто замигали, и Марьяна с изумлением увидела, как на светлые глаза наплывают слезы:

– Не затевай дела, а? Скажи, ничего не успела разглядеть, не хочешь человека гробить. Мне никак нельзя с ментами сейчас. Понимаешь? Ну, прости, а?

И, видимо, уловив в лице Марьяны ответ сочувствия, а скорее, полнейшей неспособности оценить ситуацию – что в прямом, что в переносном смысле, он вскочил, забежал сзади и, подхватив под мышки, выволок Марьяну на узенький тротуарчик остановки. Там прислонил к парапету, на котором громоздились фанерные ящики с полузамерзшими гвоздиками и вовсе замороженными розами. Теплые губы, остро пахнущие табаком и «Стиморолом», мазнули Марьяну по щеке, потом хлопнула дверца, взревел мотор, поплыло ядовитое бензиновое облачко...

«Стой, стой, гад! – наперебой завопили цветочницы. – Уехал! Нет, надо же! Сбил девку и уехал! Сколько говорю: хоть бы мента на этом переходе поставили, а то гляди знай: и автобусы, и машины вереницей, людям деваться некуда». – «А, мента тебе еще здесь не хватало, еще и ему отстегивай?! Но что же нам с этой девчонкой делать? «Скорую» вызвать, что ли? И в милицию надо бы... Ты номер не заметила?» – «Нет, помню, что синий «мерс». – «Дура, это «Мазда»! А гляди, у нее баксы в кулаке! Это он ей заплатил, чтобы молчала!»

Жаркая разноголосица мгновенно похолодела. Теперь Марьяна вызывала у цветочниц не сочувствие, а жгучую неприязнь. И немалое прошло время, прежде чем какая-то сердобольная душа все же вызвала «Скорую», а еще большее, конечно, прежде чем эта «Скорая» притащилась. Марьяна так замерзла и измучилась, что уже готова была почать зеленую хрустящую пачку и заплатить цветочницам за милосердие, но сделать это не дала лютая гордость, и злоба, что позволила себя купить, даже не поторговавшись, и ненависть к «поганому мафику», чем-то знакомое лицо и подернутые слезою глаза которого лишили ее сил сопротивляться. А главное – ее поддерживало воспоминание о том, что доллар ползет и ползет вверх, а значит, у нее в руках немалые деньги, которые позволят им с матерью продержаться, пока хоть кому-то из них не выплатят зарплату еще за декабрь прошлого года.

Она ни чуточки не сомневалась, что больше в жизни не увидит своего «мафика», однако не прошло и недели, как в пятую палату травматологии, куда в тот кошмарный день привезли Марьяну, ввалился огромный, как новогодняя елка, шуршащий целлофаном, благоухающий розовый букет. Потом боком просунулась золотисто-алая конфетная коробка устрашающих

размеров, а следом осторожно заглянуло голубоглазое лицо. Теперь оно было чисто выбрито, но выражение имело очень странное, словно бы ошарашенное.

Обменявшись неуклюжими «как вы себя чувствуете» и «ничего, спасибо, вашими молитвами», приняв, вдобавок к гостинцам, ворох покаяний, сетований и благодарностей за молчание, Марьяна сочла, что посетитель успел разузнать у врачей о ее вполне удовлетворительном состоянии (перелом оказался закрытый, вытяжку делать не понадобилось, через несколько дней Марьяну собирались выписывать, мама уже и костыли раздобыла), а потому и пришел в такое обалдело-радостное настроение: мол, легко отделался, какой-то тысчонкою! Хотя деньги, по всему видно, у него водились. Марьяне не приходилось близко общаться с настоящими «новыми русскими», разве что по телевизору видела или, мельком, в роскошных авто, однако некий ореол больших, несчитанных денег, витавший вокруг ее гостя, ощущался сразу. Этот костюм, и башмаки, и властная энергия во всем облике, ощутимая даже в мгновения застенчивости... Честно говоря, Марьяна не держала на него зла, все-таки его деньги здорово выручили их с мамой, оказались как бы подарком судьбы! Но Марьяна давно знала, что за все такие «подарки» надо непременно платить, – на сей раз цена была, верно, определена в закрытый перелом. Конечно, судьба, в свою очередь, задолжала им с матерью, отняв отца, да столь нелепо, столь внезапно...

После этой смерти Марьяна ко многому в жизни стала относиться по-новому: расчетливо-стоически. «Баксы! Баксы!» – звенело в голове, и она спокойно вынесла почти оскорбительные подначки майора ГАИ, который очень старался заставить ее написать заявление на «бандита за рулем» – он так и выражался, ей-Богу! Для поддержания разговора Марьяна сказала сейчас об этом своему «мафику», и тот вдруг обиделся:

– Заявление ему? Давно надо было на Свободе пост организовать: там же движение сумасшедшее, а перехода нет. Небось в лапу хотел получить! Знаете, как в анекдоте: армянскому радио задают вопрос, кто, мол, был первым гаишником на Руси? Армянское радио отвечает: Соловей-разбойник. На перепутье сидел, свистел и поборы брал.

Посмеялись.

Марьянины соседки по палате уже утолили свое любопытство: на гостя нагляделись, конфет наелись, роз нанюхались. Две уткнулись в книжки, одна задремала. Марьяна думала, что визитер вот-вот откланяется, а он все сидел да сидел, нерешительно на нее поглядывая, словно хотел что-то сказать, но никак не мог собраться с силами. Мелькнула мысль, а не хочет ли он увеличить «компенсацию», и на какое-то мгновение Марьяна совершенно серьезно углубилась в подсчеты, какова должна быть эта новая сумма, сколько у них с мамой еще «дыр» в бюджете, но вдруг, приблизив к ней лицо, «мафик» быстрым, заговорщицким шепотом спросил:

– Слушай, это правда, что тебя зовут Марьяна Корсакова?

– Правда, – недоуменно хлопнула она ресницами, – а что?

– Отца твоего, случаем, не Михаилом Алексеевичем зовут? – еще ближе придвинулся «мафик», и в глазах его блеснула такая по-детски воодушевленная надежда, что Марьяна впервые испытала жалость не к себе, а к чужому человеку, когда ответила:

– Да, его Михаил Алексеевич зовут... звали. Папа умер уже больше года назад.

Мгновение посетитель смотрел на нее неподвижно, потом, медленно отодвинувшись, крепко взялся горстью за лицо и замер.

– Ох ты, – пробормотал он. – Ох ты!

Марьяна быстро утерла слезы, неудержимо подступавшие даже при мимолетных воспоминаниях об отце, и, осторожно тронув посетителя за рукав, шепнула:

– Ничего. Ничего... Вы с отцом встречались, да? Или работали вместе?

Он опустил ладонь – глаза его были влажны – и тихо спросил:

– Не помнишь меня, да? Я тебя тоже не сразу узнал. Вертелось что-то такое в голове, а когда фамилию твою услышал – Господи, думаю, неужели?! Неужели дочка дяди Миши? Марьянка, да ты посмотри на меня, посмотри! Я же Виктор... Витька-Федор Иванович!

Марьяну словно в сердце ударило. Села в постели, ощущая, как брови сложились домиком, а рот превратился в некое изумленное «о». Да неужели вот этот благополучный, преуспевающий джентльмен, сидящий перед нею, – тот самый тощий, издерганный мужичонка, который однажды безудержно плакал в палисаднике на Ковалихе, утираясь крошечным кукольным платицем, и говорил, захлебываясь, десятилетней девчонке слова, которые и сейчас, вспоминая, заставили ее сердце сжаться от жалости:

– Тут, Марьянка, я и купил реланиуму. Много купил! В шести аптеках. И решил завязать с этой жизнью как мужчина. Убраться в квартире, пока *их* нет, помыться, переодеться в чистое, принять весь реланиум – и уснуть. Даже уборку уже сделал. А тут кошка за дверью запела. Кошку-то жалко: она только с моих рук ест, у них и хвостика рыбьего не возьмет, да они и не дадут. И еще вспомнил, что ваши талоны на сахар мне в домоуправлении сунули еще неделю назад, а я так и не отдал... Словом, много мыслей дурацких приходит в голову в такой момент. Ну и упустил, упустил я момент этот, и решимость моя иссякла. Вот... снова живу! – И он горько заплакал.

Тогда он казался Марьяне если не глубоким стариком, то очень пожилым человеком, но сейчас она видела, что ему не больше сорока пяти, а в то время, значит, было около тридцати. Но уж теперь никто не решился бы назвать его просто Витькой, а тем более – тем ласково-насмешливым прозвищем, которое дал ему в былые времена Марьянин отец.

– Ох, Витька, ну и голосину тебе даровал Бог! – восторженно твердил он, забыв, что инструктору обкома партии вести разговор о вышних силах не подобает. – Ну истинный Федор Иванович! Ну редкостный дар, всю душу переворачивает! Слушаешь тебя – и сердце само соловьем заливается!

Конечно, Федор Иванович, в смысле Шаляпин, пел «Утро туманное» и «Гори, гори, моя звезда» басом, отец Марьяны это прекрасно знал. Но поскольку Шаляпин был его любимым, обожаемым певцом, а баритональный тенор соседа Витьки Яценко – задыхающийся, необработанный, но воистину божественно-вдохновенный – трогал его душу столь же властно, сколь и шаляпинские раскаты, Михаил Алексеевич соединил эти два имени в одно. Однако если случалось ему встречать Витьку-Федор Ивановича, когда тот по стеночке, на автопилоте, пробирался домой (в запоях скручивала его клаустрофобия, он начинал до дрожи бояться лифта и на свой седьмой этаж добирался хоть ползком, да пешком), отец Марьяны уже не разглагольствовал о сердцах и соловьях, а норовил побыстрее пройти мимо, словно бы и не замечая соседа. Впрочем, завидев Марьяну, Витька-Федор Иванович старался подтянуться, сфокусировать разбегающиеся глаза и, мотая перед носом пальцем, наставительно бормотал:

– Не пей вина, Г-Гертруда! К-козленочком станешь! – и тащился дальше, не зная, что Марьяна с жалостью провожает его глазами. Даже с ее, детской, точки зрения Витьке было с чего пить...

Уже и спустя много лет, услышав анекдот: муж ссорится с женой и кричит в сердцах: «Кто в доме хозяин?!» – «Я, а что?» – спокойно отвечает жена. «Ничего. Я просто так спросил», – тихо бормочет муж, – Марьяна сразу вспоминала эту пару: голубоглазого, всему улыбающегося Витьку и его черноволосую, смуглую, верткую Валентину. Девчонкой она не сомневалась, что по ночам Валентина или вылетает из форточки на ведьмовский шабаш, или превращается в змею, ползает по тротуарам, жала случайных прохожих. Все повадки, весь норов были у Валентины воистину змеиные, и Витька-Федор Иванович так и жил, словно бы стоял одной ногою на гнилой колоде, из-под которой к нему тянулась гадюка.

Но удивительнее всего было то, что Валентина тоже считала себя несчастной, она не сомневалась: жизнь ее загублена мужем! Жаловалась соседкам:

– В графе анкеты «семейное положение» я бы написала: «Невыносимое!»

А недавно Валентина случайно встретила на улице свою первую любовь, еще детдомовскую (жена Витьки-Федор Иваныча была подкидышем, сиротой). Тогда ей было пятнадцать лет, а любовь закончилась ничем: Ромео упекли за грабеж в колонию. Теперь это был уже не тощий хулиганистый мальчишка, а здоровенный бугай, с которого можно писать классический портрет уголовника-рецидивиста: стриженная под нуль, маленькая, не больше пятидесяти пятого размера, голова, как бы чужая на бычьей шее и неохватных татуированных плечах, тупой взгляд исподлобья, пудовые кулаки... Однако сердце Валентины, видно, не забыло былого, потянулось к Роману (ей-Богу, возлюбленного звали именно так!) – и немилый муж сделался ей вовсе постылым.

В ту пору в газетах еще не писали про секс, однако Валентина вполне гласно высказывалась об интимном и своими откровенными репликами склонила общественное, в смысле, соседское мнение на свою сторону, и скоро весь подъезд, а там и весь дом знал, что Витька от жены «много требует, а сам как пингвин замороженный: отвалится – да храпит; ему бы в аптеке люминалом работать, а не в койку с бабой ложиться!». В ответ на подначки мужиков, с удовольствием обсуждавших Валентины претензии, Витька-Федор Иваныч добродушно отбrehивался:

– Пуще прежнего старуха вздурилась! Уж не хочет быть она царицей – хочет быть нормальной секс-бомбой!

Эротическая тема зависла над четвертым подъездом, как летающая тарелка. Все подробности наличия или отсутствия интима между Витькой и Валентиной немедленно становились общим достоянием (дом заселили недавно, но все переехали из бараков, общежитий и малосемеек, старая закваска сильна была в характере: соседей не чурались, радость-горе были одни на всех). Как ни отплевывалась от сплетен Ирина Сергеевна, они достигали не только ее ушей, но и Марьяниных, активно пополняя девчонкино образование.

Однажды Витька отправился на работу (он заколачивал свои 150 рэ в месяц в КБ судоремонтного завода) с непристойно испаряпанным, просто-таки изодранным лицом. А когда вечером вернулся, соседки с ним не здоровались. И даже девяностолетняя баба Паша по прозвищу «Товарищеский суд», доживавшая жизнь возле окошка и бывшая в курсе всех домовых происшествий, вынесла суровый приговор, высунувшись из-за горшков с красными геранями:

– Ну, Витька, всегда я за тебя заступалась, а нынче, кабы могла, так и вдарила бы тебе по сопатке, чтоб ты всю жизнь этим фонарем вместо электролампочки пользовался! Зараза!

– Дядя Витя! – бросилась к нему всегдашняя болельщица Марьяна. – Что ты натворил? Тот молча прошел мимо, даже не назвав ее Гертрудой.

Ситуация разъяснилась только вечером, за ужином. Едва дождавшись мужа с работы, Ирина Сергеевна, которую новости до того распирали, что она забыла о присутствии дочери, поведала, с трудом прорываясь сквозь смех, чем же провинился Витька: он по телефону вызвал Валентину с работы, завел в комнату, раздел, уложил в постель, а потом с идиотской ухмылкой объявил: «Первый апрель – никому не верь!»

Корсаков хохотал так, что жене в конце концов пришлось накапать ему в рюмочку валокордина.

Смех смехом, а кончилось все плохо, очень плохо. Эта история, как выразилась Валентина, «была последней каплей крови моего терпения», и защищать хозяйку 135-й квартиры на правах старого друга пришел бугай Роман. И вот как-то раз, проснувшись с похмельной, гудящей головой, Витька обнаружил себя валяющимся на раскладушке, Романа же отыскал рядом с Валентиной в своей супружеской постели.

И сошел Витька с катушек, и завил горе веревочкой, и не отрывался больше от стакана, в котором только и перемигивались с ним теперь приветливые лица, ибо весь прочий мир, казалось, от него отвернулся.

Деваться ему было решительно некуда: он снова и снова возвращался домой, откуда вылетал то на кулаках Романа, то на проклятиях Валентины.

Когда положение дел в 135-й квартире стало общеизвестным, возмущение соседей вмиг достигло точки кипения, но Михаил Алексеевич Корсаков оказался единственным, кто ввязался в конфликт. Нет, он не пошел стыдить Романа и Валентину: он стыдил Витьку-Федор Иваныча. А вскоре устроил его в ЛТП, чтоб зашили ампулу. Но пациент сбежал оттуда через неделю, заявив, что лучше голову в петлю сунет, чем воротится в эту гробиловку. В те времена про кодирование еще мало кто знал, однако Михаил Алексеевич нажал на все свои обкомовские педали и определил Витьку в отдельную палату «психушки», где экспериментировал молодой гений от психиатрии. Витька-Федор Иваныч стал его первым пациентом, блестяще подтвердившим амбиции пока еще непризнанного светила.

После выписки Витьку-Федор Иваныча восстановили в КБ, дали комнату в заводском общежитии. «Нет худа без добра», – сказал тот, кто потерял только сварливую жену да еще голос: это, видно, была плата за новую жизнь, ибо судьба ничего не дает на халяву. Корсаков подзуживал его начать размен квартиры, хоть бы и через суд, однако Витька мелочиться не намеревался: захотел по-мужски поговорить с Романом и заодно забрать кошку, которую Валентина теперь в квартиру не пускала (у борова Романа на кошачью шерсть обнаружилась аллергия), так что рыжую Симку весь подъезд прикармливал, только не родная хозяйка.

Пришел Витька-Федор Иваныч днем, чтоб наверняка застать одного Романа – отгул взял. Почти все соседи были на работе. Еще на пятом этаже ощутил запах газа, а уж на седьмом все было сизым-сизо, и тянуло из его, 135-й, квартиры! Почуввав недоброе, кинулся звонить в соседние двери. Бог надоумил не ломиться в роковую квартиру самим – вызвали пожарных, милицию, аварийную горгаза... Жильцов из подъезда удалили и только потом вскрыли квартиру. Зрелище открылось ужасное: Валентина с перерезанным горлом лежала в объятиях синего Романа, который сунул голову в газовую духовку – да так и застыл навеки.

Витька ничего из вещей не тронул, только свои фотографии, старые, еще детские, забрал. Кошку поймал во дворе, с собой унес. Квартиру сдал в ЖЭУ – и отправился в общежитие, больше ни разу не появившись на Ковалихе, где разыгралась драма его жизни.

Пока Михаил Алексеевич работал в обкоме, они с Витькой хоть нечасто, но виделись во время всяких инспекций да проверок, однако скоро разразилась перестройка, потом августовские события. Обком ликвидировали. Корсакова сократили. Партбилета он не сдал, из партии не ушел. «Слава павшему величию!» – на все был один у него ответ. Старые друзья звали его во всякие фирмы, расплодившиеся, как грибы после дождя, на обкомовских деньжатах, однако Михаил Алексеевич, по своему обыкновению, отшучивался – и вдруг устроился преподавать сопромат в университете: красный диплом наконец сослужил свою службу, даром что больше четверти века минуло с тех пор, как он сам этот сопромат изучал! Там проработал Корсаков почти до самой своей смерти, о которой Марьяне еще предстояло рассказать Витьке-Федор Иванычу... и тогда казалось, будто это самое трудное, что ей предстоит.

* * *

Особой ловкостью Марьяна никогда не отличалась, но по «лестнице» из вьющихся роз только инвалид не спустился бы, а уж тем более – молодая женщина, пусть и обремененная ношей. Марьяна была так озабочена, чтобы не развязался шелковый изар, в какой завертываются арабские женщины, выходя на улицу (еще одна Ларисина покупка за сегодняшний день), который окутывал «Саньку», что почти не заметила спуска и на какое-то мгновение даже

забыла о, самое малое, двух пистолетах, стороживших каждое ее движение. Однако о них не забыла Надежда. И она-то не зевала: едва Марьяна коснулась земли, как над головой дважды гроыхнуло, и на улице снова воцарилась раскаленная тишина.

Марьяна, с трудом удержавшись на ногах, оглянулась.

Пусто... но из-за забора вывалилась смуглая рука – пальцы еще слабо цепляются за пистолет, а чуть поодаль бежит в пыли тоненький кровавый ручеек.

– Чтоб твои глаза друг дружку увидали! – яростно зашипела сверху Надежда. – Чего стала, дура?! Двоих нет, путь пока свободен. Беги скорее!

Слово «пока» было как нельзя кстати. Неподалеку уже слышались возбужденные голоса, топот, и Марьяна, бросив последний взгляд на алую вялую струйку, метнулась в ближний проулок.

Ноги ее лишь на мгновение опередили волну ужаса: а если там засада?! – но в проулочке никого не было, если не считать собаки, пыльным клубком свернувшейся под глинобитным забором, и паренька, дремлющего рядом.

Пролетев проулок почти насквозь, Марьяна обернулась, спохватившись: а если никто из нападавших так и не заметил ее с «Санькой» бегства, а если они сейчас же начнут атаку с улицы на комнату, где затаились настоящие Лариса и Санька?!

Ни парень, ни пес даже голов своих не подняли, но в конце проулка застыли, словно в сомнении, две высокие фигуры. Стоило Марьяне обернуться, как они ринулись вперед.

Казалось, на всю жизнь запомнит Марьяна очертания этих стремительных фигур! На какое-то мгновение она застыла, глядя, как их длинные ноги сокращают расстояние, разделяющее ее и преследователей, а потом, взвизгнув, бросилась наутек по улочкам, забитым горами вонючего мусора, среди которых играли дети в очень ярких одежках, босые и чумадые.

Повернула за угол – и едва не упала на капот джипа, сцепившегося крыльями с побитым «Фордом», застывшим в крутом вираже. Улица оказалась до того узка, что двум машинам здесь почти не разъехаться, а еще и мушараби, ажурные деревянные решетки, со всех сторон окружавшие балконы, выступали вперед от двух противоположных домов, почти смыкаясь над пространством улочки.

Кое-как Марьяна протиснулась под стеной мимо джипа. Наскакивавшие друг на друга водители на миг замолкли, проводили взглядами испуганную белую женщину с плотно укутанным, так что виднелась лишь нахлобученная каскетка да кроссовки, ребенком на руках – и вновь нырнули в поток взаимных оскорблений. Пробежав еще несколько шагов, Марьяна обернулась – и, словно в четком кадре кинотриллера, сразу выхватила взглядом в толпе длинноногих негров в защитных поношенных штанах и таких же рубашках. Негры легко перескочили обе машины, словно те были игрушечными, и со всех ног помчались к девушке. Можно теперь не беспокоиться: след взят крепко! Стоило, конечно, подумать, что случится, когда ее схватят и обман раскроется... но времени на размышления не оставалось. И она побежала.

Хотелось лететь быстрее, еще быстрее, но Марьяна понимала, что с настоящим ребенком на руках так мчаться нельзя. К тому же пробраться сквозь толпу всех этих пестрых людей, кишевших на узких улицах и переулках, оказалось очень даже нелегко.

Суতোлка здесь царила, как в настоящий базарный день! Пешеходы, велосипедисты, арбы, запряженные мулами, продавцы всякой всячины, ослики, верблюды с седоками и вьюками – все это визжало, кричало, ржало, скрипело, звенело.

Из-за угла, согнувшись под тяжестью бурдюка, вывернул сабба – разносчик воды; рядом толкал свой лоток с кусками жареной рыбы коричневым, как кофейные зерна, абиссинец. Марьяна проскочила между ними, но тотчас позади раздался истошный вопль, и она, не удержавшись, глянула через плечо.

Один из негров-преследователей оказался достаточно проворным, зато другой с разбегу столкнулся с абиссинцем, оба налетели на лоток, рассыпали рыбу и сами упали на мостовую. Негр попытался встать, но поскользнулся на разлитом жире и снова упал. А водонос, худощавый парень, то ли от испуга, то ли от неожиданности уронил свой бурдюк прямо на неловко поднимающегося негра – и тот снова рухнул.

Бурдюк от удара развязался, и негр, абиссинец и рыба вмиг оказались в огромной луже. Двое вопили во весь голос – в бурдюке оказалась холодная вода со льдом.

Водоноса будто ветром сдуло: исчез от греха подальше, даже бурдюка не подобрал, а следом промчался лохматый пегий пес, зажав в оскаленной, словно бы смеющейся пасти изрядный кус рыбы.

Один проворный негр не стал тратить зря времени и ждать, пока напарник сможет подняться, – он тут же ринулся вперед.

Говоря реально, негр, захоти он, давно бы уже схватил Марьяну, что вдруг она с ужасом осознала. Но то ли негр не собирался устраивать свалку на людной улице, где тотчас бы собралась толпа зрителей-свидетелей, настроение которых предугадать невозможно, то ли просто с самого начала намеревался лишь проследить за беглецами... Словом, он пока не приближался.

Марьяна облилась холодным потом: если верна ее вторая догадка, не значит ли это, что осада виллы еще не снята, Лариса и Санька в опасности, а ее маскарад напрасен? Конечно, было бы здорово позвонить сейчас туда, но где найти телефон, жетон и время на звонок? Да и кому звонить? Остается надеяться, что Лариса все же поставила свой сотовый на подзарядку: иначе ведь с Виктором не связаться!

Марьяна стремилась как можно скорее добраться до центральных улиц, где можно нырнуть в подъезд дома, в дверь какого-нибудь офиса, прыгнуть в такси, раствориться в толкотне автобуса, однако узкие улицы старого города, перетекая одна в другую, никак не кончались. И она снова бежала, бежала наугад, ничего не видя, кроме нескончаемой череды лавок, лавок, лавок... А над всем этим отчаянно синело небо, на котором полыхал огненно-золотой диск.

Пронзительный голос муэдзина завел полуденную молитву, но улица не опустела: правверные не желали оставлять свой большой или маленький бизнес и совершали намаз «не отходя от кассы».

Раздалось цоканье копыт, и из переулка, словно из тьмы столетий, выехала нарядная карета, запряженная парой чистокровных арабских жеребцов серой масти. В карете сидела гурия в черном одеянии, с прозрачной белой вуалью, закрывающей лицо до огромных черных глаз. От кареты не отставала маленькая, как жучок, красная открытая машинка, в которой балансировал человек с видеокамерой. Наверное, снимали какой-то рекламный ролик, а пешеходы были при этом всего лишь досадной помехой. Но водитель явно переоценил свой профессионализм: машина не слушалась руля. Люди с воплями разбегались, Марьяна вжалась в стенку, успев заметить, как заметалась прямо перед красным радиатором машины знакомая зловещая фигура, однако миг надежды на чудо сменился новым приливом отчаяния, когда ее преследователь вдруг пружинисто подпрыгнул, точно баскетболист, рвущийся к корзине, и уцепился за деревянное кружево уткнувшихся друг в дружку балконов второго этажа.

Он не только счастливо избежал столкновения, но, раскачавшись, так сильно послал вперед свое тренированное, мускулистое тело, что пролетел несколько метров по воздуху и очутился почти рядом с Марьяной. Казалось, ему осталось только руку протянуть и схватить ее, и в этой суматохе никто ничего не заметил бы, однако...

Негр пружинисто приземлился около толстяка в полосатой рубашке, чем-то похожего на оживший матрас. Товаром этого уличного торговца были глиняные раскрашенные статуэтки собак самых разных пород и размеров. Нога негра подвернулась, скользнула по мостовой, и

огромная ступня разметала изящные статуэтки, которые тут же захрустели под башмаками прохожих.

Марьяне уже приходилось наблюдать взрывной темперамент истинных каирцев, но переход полосатого толстяка от сонного добродушия к пламенному негодованию был непостижимо стремителен и занял буквально долю секунды.

Вскочив на ноги, гневно сжав кулаки и перекрывая шум далеко не тихой улицы, он начал выкрикивать все, что думает о бродягах, падающих с неба, а заодно об их предках, потомках и ближайших родственниках. Марьяна не вслушивалась в поток проклятий, она разобрала только слово «занги» – по-арабски «негр», а все остальное было нагромождением цветистых эпитетов, непередаваемой игрой слов. Но, очевидно, негр уловил в них что-то очень обидное для себя, потому что схватил торговца за грудки, потряс, а потом отшвырнул с такой яростью, что тот ударился спиной о стену и сполз по ней почти бездыханный, закатив глаза. И тогда случилось нечто неожиданное.

Какая-то тень метнулась из груды полуразбитых статуэток и, злобно рыча, вцепилась в ногу бандита. Словно бы одна из глиняных собак чудесным образом ожила и вознамерилась расправиться с обидчиком!

Негр завизжал так, что у Марьяны зазвенело в ушах, и она не сразу поняла, что никакая статуэтка, конечно, не оживала: это была настоящая, вполне живая салюки, арабская борзая, с длинной грязно-пегой шерстью! Собака впилась в дерзкую ногу мертвой хваткой, и ни брань, ни удары, ни оглушительные вопли негра не могли ее ослабить.

Торговец немного пришел в себя и теперь наблюдал за ходом событий с такой безмятежной улыбкой, что оставалось только вновь подивиться прихотливости каирского темперамента. Наконец, видимо, сочтя, что пора самому заняться негром, который уже не дрался, не рвался, а корчился на мостовой и стонал, торговец подошел к салюки и попытался оттащить пса от жертвы, но тот лишь рыкнул, не ослабляя при этом хватки. Араб проворно отскочил. Тем временем на посеребренных губах негра от боли выступила пена, глаза закатились...

– Китмир! – крикнул кто-то рядом с Марьяной, и она, вздрогнув, оглянулась.

За углом стоял худощавый парень лет семнадцати, одетый в грязно-белые штаны до колен, застиранную майку с расплывшейся надписью: «I love perestroika!» и черную косынку, по-пиратски лихо повязанную на нестриженных, пыльных волосах.

Пес, ужом скользнув сквозь толпу, собравшуюся вокруг стонущего негра – причем было абсолютно непонятно, обуреваема она желанием помочь пострадавшему или, напротив, добавить ему за хулиганство по полной, – с разбегу кинулся парнишке на грудь. Жарко облизав его худое лицо, салюки плюхнулась на мостовую, яростно почесалась, потом подняла свою длинную лукавую физиономию к Марьяне, усердно колотя хвостом по камням и так умильно облизываясь, словно ждала награды.

– Могу ли я быть вам еще чем-нибудь полезен, сударыня? – спросил юноша, положив руку на косматую голову салюки, и Марьяна, растерянно уставившись на него, не сразу поняла, что, во-первых, ее преследователь окончательно вырублен, а во-вторых, этого парня и его пса она уже видела сегодня в проулке возле гостиницы и при столкновении продавца воды с первым негром. Парень и был этим самым водоносом, и не кто иной, как его Китмир, завладел изрядным куском рыбы! Получается, эта парочка уже спасала ее сегодня?..

И тут до Марьяны дошло самое главное: свою изящно-старомодную фразу юноша произнес по-русски.

* * *

Отец болел недолго. Все кашлял, задыхался, жаловался на резь в груди. Ирина Сергеевна уже начала опасаться, что у него туберкулез. Быстро погнала к врачу... а потом прокляла себя

за это. Может, и впрямь лучше было до конца не знать, что никакой это не туберкулез, а рак легких, и уже с такими метастазами, что и оперировать поздно. Разрезали, увидели, чторосло все, зашили – и отправили Михаила Алексеевича домой. Умирать.

Ирина Сергеевна проклинала нынешнюю власть: мол, в прежние времена разве обошлись бы наплевательски с инструктором обкома?! – но отец приговору судьбы не воспротивился никак. Строго-настрога приказал жене трясти мощной старых связей и – не с готовностью, конечно, а как бы с любопытством – приступил к новому этапу своей жизни: так сказать, переходу. В глубинах своей библиотеки нашел «Бардо Тодол», тибетскую «Книгу мертвых», и читал неотрывно, по многу раз возвращаясь к одним и тем же страницам. Марьяна этой книжки боялась, как в детстве – сказки про медведя на липовой ноге, но однажды, пока отец спал, увидела ее на полу возле дивана, подняла двумя пальцами, как змеиный выползень, и нечаянно наткнулась на жуткие строки:

«Погляди – ты не отбрасываешь тени и нет твоего отражения в зеркале вод!»

Она еле сдержала вскрик, быстро положила книгу на столик, но несколько страниц перелистнувшись, и ее глаза воровски потянулись к еще более страшным словам:

«Глядеть на родные лица в упор – и не быть замеченным; слышать голоса близких и не быть в состоянии окликнуть их – в какое страшное горе может окунуться душа!»

Спроси кто-нибудь Марьяну, о чем болит душа ее отца перед смертью, она еще вчера сказала бы: наверное, о несправедливости свершившегося, о боли и страхе. Теперь же страшная книга открыла ей истину: он думал о вечной разлуке, которая ни им, ни любимыми непреодолима. Ни-ког-да...

А Марьяна с мамой думали только о том, как бы отдалить наступление этой разлуки.

Все деньги уходили на лекарства. Так скудно в семье еще не жили. Стипендия Марьянина была никакая, да и ее то и дело задерживали – так же, как и мамину зарплату библиотекаря. Если бы не Борис, Марьянин поклонник, работавший в аптеке, вообще пропали бы. Но и Борис не мог до бесконечности тратиться на дорожные лекарства. Марьяна нахватала бы репетиторских уроков, однако все студенты-инязовцы ударились в репетиторство, конкуренция царилась жесточайшая. Каких-то десять-пятнадцать часов в месяц, по десять тысяч час – это было одно тыфу. Хоть иди торговать в коммерческий ларек по ночам!

Марьяна обзвонила знакомых: не устроит ли кто-то студентку на тепленькое местечко? Не везло просто клинически. Только Алка Романова, одноклассница, подала руку помощи.

Конечно, это была не та рука, которую Марьяна приняла бы с большой охотой. Все десять лет, что они вместе учились, Марьяна привыкла считать, что Алка – типичная веселая дура, которая только и думает о парнях, ну а разговоры ведет исключительно о баксах. Она кое-как, чудом, свалила экзамены на аттестат – и поразила всю школу, поступив на только что открывшийся юрфак университета, самое престижное местечко, первый в городе коммерческий вуз. Учитывая, что родители ее перебивались случайными заработками, общественное мнение решило единодушно: Алка завела любовника – «нового русского», либо вышла на панель, либо выиграла в «Лотто-миллион». Конечно, Марьяна тоже ломала голову над этой улыбкой фортуны, однако каково же было ее изумление, когда Алка добродушно предложила ей разделить удачу: пойти в помощницы к Золотой Лисичке.

– Мало не покажется, – сверкала она подновленной фарфоровой улыбочкой, сменившей прежнюю, щербатенькую. – От нас только что ушла одна девка – вышла за того французика, знаешь, который на «Радио-Европа» работал? Отнюдь не бесприданницей ушла! А вдвоем нам трудно, кто-то третий непременно нужен. Деньги лопатой будешь грести!

– А какая работа? – осторожно спросила Марьяна.

– Фотографировать.

– Что, в фотоателье, что ли? – разочаровалась Марьяна, которая аппарата в руках не держала.

– Ну, можно и так сказать, – хмыкнула Алка – и во время ее дальнейшего повествования Марьяна ни разу не закрыла изумленно разинутого рта.

Золотая Лисичка приводила клиентов. Нет, она не пачкалась о немытых качков и этих, в малиновых пиджаках, у которых пальцы веером. Клиентура у нее была отборная: все больше обкомовские и райкомовские ребята, теперь плавно перелившиеся в коммерческо-демократические структуры, фирмы, банки, однако, в отличие от настоящих «новых русских», не отучившиеся блюсти свою репутацию. По словам Алки, знакомства у Золотой Лисички были преобширные, а поскольку она отличалась редкостной красотой, мужики летели к ней как мухи на мед. Лисичка приводила клиентов на квартирку, которую снимала специально для этих целей, но дело обставлялось так, будто подружка (Алка, например) просто дала ей ключ от своей хаты. Тут Лисичка ложилась с клиентом в постель. Алку иногда приглашали принять участие, но это уж по настроению. Сама-то она довольно спокойно относилась «к этим глупостям», в отличие от Лисички, которая от души любила свою работу и трудилась с полной самоотдачей, получая не только материальное, но и моральное удовлетворение.

Клиент расплачивался с Лисичкой, благодарил за доставленное удовольствие – а через пару деньков получал пакет с фотографиями, которые можно было смело публиковать на обложке любого порнографического журнала. Клиент был заснят со всеми подробностями, а лицо его фантазерки-партнерши разглядеть оказывалось невозможно.

Дальнейшее понятно... Лисичка, надо сказать, никого за нос не водила: честно выкладывала негативы в обмен на золотые безделушки – желательно с бриллиантами, ибо свято верила в пословицу, что бриллианты – лучшие друзья красавиц. И еще одну мудрость, по словам Алки, свято исповедовала Золотая Лисичка: уберечься от всех житейских неприятностей в нашем причудливом государстве можно, только имея – нет, не кругленький счет, ибо всякий местный банк может в одночасье лопнуть, а до какого-нибудь «Лионского кредита», в случае чего, просто не доберешься, – имея банку-трехлитровочку, доверху полную золотыми штучками. И тогда все в жизни будет совершенно тип-топ.

Судя по Алкиным рассказам, Лисичкина заветная баночка уже должна была переполниться, да и подельницы ее не бедствовали, так что у Марьяны имелся прямой резон обучиться фоторемеслу.

– Ну, еще, может, и случится перепихнуться когда-нибудь, хотя Лисичка обычно всю нагрузку на себя берет, – пояснила Алка. – Нравится ей это дело!

С трудом обретя власть над отвисшей челюстью и вытаращенными глазами, Марьяна отказалась от Алкиной любезности со всей возможной вежливостью.

– Наше дело предложить – ваше дело отказаться, – без обиды фыркнула Алка – и канула в ту же Лету, откуда ненадолго вынырнула, чтобы смутить Марьянину душу, и надолго смутить!

Перед новым, 1995 годом врачи единогласно уверяли, что январь Корсаков уж точно переживет, ну а там – сколько Бог даст. И это было так мало – и так бесконечно много! То есть еще целый месяц дозволялось ждать чуда. Тридцать дней надежды: всякое может случиться!..

Пока что случилось только одно: в Дивееве внезапно померла мать Ирины Сергеевны. Еще пятнадцать лет назад, после смерти мужа, поселилась она при монастыре – в ту пору пока не ставшем местом светского модного паломничества, а прозябавшем в забвении и бедности.

Деваться некуда: матушку в последний путь надо проводить, хотя бы одной Ирине Сергеевне. Корсаков, понятно, с места двинуться не мог, Марьяна осталась при нем, а Ирина Сергеевна отправилась в путь: отпевать рабу Божию Антонину должны были первого января, так что, хочешь не хочешь, Новый год Корсаковым выпадало встречать поврозь.

Марьяну, конечно, приглашал Борис или хоть в гости напрашивался, да какие уж тут гости...

Михаил Алексеевич, впрочем, храбрился. Потребовал чин чинарем накрыть стол возле его постели, поставить лучшую посуду, бокалы богемского хрусталя. Марьяна даже развеселилась от этого подобия праздника.

Но вот что выяснилось уже часу в десятом вечера: в доме нет шампанского! И хоть, конечно, Михаил Алексеевич вообще об алкоголе думать забыл, ему загорелось поднять в новогоднюю полночь бокал с шампанским. Вынь да положь!

Марьяна, ругая себя за недосмотр, поцеловала отца, сказала, что сейчас вернется, и собралась пробежаться по ближним коммерческим лавочкам. Отец слабым, но строгим голосом окликнул ее уже от дверей, велел переодеться – вместо нарядного платья, на которое она накинула шубенку, – толстый свитер и шерстяные рейтузы, да накинуть шаль вместо тоненького шарфика, да теплые носки в сапоги.

Марьяна не предполагала, что выйдет такая задержка, но все же отца послушалась, а на прощание вошла в спальню: показаться. Корсаков обвел ее любящим взглядом – когда у него вот так лучились глаза, Марьяна начинала отчаянно надеяться, что все же свершится необыкновенное чудо жизни! – и сказал:

– Главное, ты его выпить не забудь потом! Бери полусладкое!

Затем он устало откинулся на подушки, а Марьяна выбежала за дверь. На лестнице ее как ознобом пробрало: к чему это сказано? – но размышлять было недосуг.

Метрах в ста от их дома, на площади Свободы, кучковались один к одному «комки», которые, невзирая на неурочный час, рьяно ковали деньги, однако, к огорчению Марьяны, шампанское нашлось только в одном: словно в насмешку, это оказался «Брют» – кислятина, которую Корсаковы терпеть не могли.

Марьяна взглянула на часы. Пол-одиннадцатого. Есть время катнуться до площади Минина, а уж коли там ничего не отыщется, сгодится и «Брют»: ведь главное, чтобы было чем выстрелить в потолок! На всякий случай она его купила, чтобы уж не возвращаться, если ничего не найдет.

Мимо полз почти пустой троллейбус, и Марьяна вскочила в него. «А может, обойдемся «Брютом»?» – мелькнуло в голове, когда проехали поворот на Ковалиху, но тут же вспомнились слова отца о полусладком, и она поплотнее уселась на холодном, скользком сиденье.

Троллейбус тащился, будто полудохлый червяк, но наконец-то добрался до площади. Народ двинулся на выход, но водитель открыл только переднюю дверь и провозгласил:

– Приготовьте билеты для проверки!

Марьяна привычно потянулась, чтобы снять с плеча ремешок, да так и ахнула. Выскочив из дому впопыхах, ненадолго, она прихватила только кошелек да целлофановый пакет, а сумку свою, где в косметичке лежал проездной, оставила дома.

Дойдя до водителя, протянула тысячу.

– Проснулась? – недружелюбно глянул он и отстранил Марьяну, пропуская в дверь старуху, которая демонстративно тыкала ему пенсионное удостоверение прямо в лицо:

– Нашел время проверяловку устраивать!

– Давай гуляй, бабка! А ты штраф готовь.

– Да ладно придирайтесь. Я на прошлой остановке вошла, – попыталась схитрить Марьяна, но водитель грубо осадил ее:

– Не ври! Я видел, ты на Свободе влезла. Штраф, ну!

Марьяна, оглянувшись, увидела, что, кроме них двоих, в троллейбусе уже никого нет. Обреченно открыла кошелек:

– И сколько?

– Десятку.

– Что? Десять тысяч?! – Она ткнула пальцем в надпись на стекле: «За безбилетный проезд штраф 8 тыс. руб.». – Ты что же, неграмотный или забыл, что здесь написано?

– Это я трафарет не успел заменить, – бесстыже ухмыляясь, пояснил шофер. – Инфляция, ставки поднимаются! Гони червончик.

Унижаться перед плюгавеньким троллейбусным властелином не хотелось, и Марьяна промолвила с высокомерной откровенностью:

– Пожалуйста, возьми с меня сейчас только восемь тысяч, иначе на шампанское не хватит.

– Шампанское! – взвизгнул водитель. – На шампанское ей не хватит! Да я не могу бутылку пива на Новый год себе купить, а тут – на шампанское! Отдашь штраф или нет?

– Нет! – огрызнулась Марьяна. – Говорю же, возьми сейчас восемь, а остальные я тебе или кому-нибудь из твоих коллег здесь, на этой остановке, хоть завтра передам. Или, если не веришь, запиши мой телефон...

– Ах ты, блядешка! – протянул он почти миролюбиво. – Вот как, значит, мужиков заманиваешь, дешежка!

Он сунулся в кабину, чем-то там щелкнул, запер за собой дверь и, проскользнув сквозь передние створки, удалился прочь от троллейбуса.

Какое-то время Марьяна переваривала бессмысленное, но оттого не менее гнусное оскорбление и не сразу осознала пугающую реальность: водитель-то сбежал, а двери-то закрылись!

Она в этом троллейбусе заперта. Заперта!

Примерно через полчаса Марьяна окончательно оставила свои попытки выбраться на свободу: разжать двери ей было не под силу. В троллейбусе остро пахло шампанским: хотела разбить стекло бутылкой, да проклятая выскользнула из варежек и, ударившись о поручень, разлетелась вдребезги, обрызгав Марьяну с ног до головы. Этот злополучный «Брют»! И почему не дотумкала подарить его шоферу? Отпустил бы тогда наверняка!

Время близилось к полуночи, и Марьяна уже перестала верить, что водитель одумается, спохватится, вернется за нею. Сначала надеялась: ну должен же он отвести машину в парк. А потом предположила: вдруг он живет поблизости и ему прямо с утра на линию? Проще сразу из дому ехать. Троллейбусу за ночь ведь ничего не сделается, а на Марьяну ему явно плевать. То есть он все же появится, наверное... но никак не раньше пяти утра, в лучшем случае!

Марьяна сорвала голос, зовя на помощь, однако улица будто вымерла. Безжизненно темнели окна пединститута и закрытой на ремонт «наушки». В Центре крови, конечно, свет горел, но ни там, ни в доме около остановки криков Марьяны услышать не могли: рядом орал-грохотал киоск звукозаписи, обитатели которого, судя по всему, намеревались встретить Новый год прямо на рабочем месте.

Люди смеялись, поздравляли друг друга, поднимали бокалы с шампанским, и никому на свете не было дела до Марьяны, которая замерзает в темном троллейбусе.

А отец? Как там отец?! Она до крови прикусила губу, зажмурилась... И, Господи, наверняка мама звонила из Дивеева, а он ведь подойти к телефону не может, так что мама теперь там с ума от волнения сходит, будто ей мало смерти бабушки!

Сердце так заболело от горя, от бессильной злобы, что Марьяна зарыдала в голос. Ее платочек уже превратился в ледяной колючий комок, не вытиравший, а больно царапавший щеки, и Марьяна яростно смахнула слезы ладонями, которые сразу застыли. Слава Богу, хватило ума послушаться отца, одеться теплее, не то уж точно отморозила бы себе все что можно!

Скорчилась на сиденье, натягивая на колени короткую шубку. Сейчас погрееется, отдохнет немного – и опять начнет кричать, стучать... Да неужто отец не почует, что она в беде, неужто не подаст ей помощь?! Только как?..

И вдруг увидела его совсем рядом. Лицо у отца было такое изможденное, страдальческое, что Марьяна снова заплакала – тихонько, жалобно. И вдруг земля под ногами затряслась,

словно они с отцом стояли на огромных качелях и эти качели то поднимались, то опускались, причем Марьянин край едва вздымался над землей, а Корсаков взлетал все выше, выше, так высоко, что почти касался голубой звезды, вспыхнувшей в небе ослепительно-внезапно, будто звезда эта наконец дождалась своего часа и теперь хотела, чтобы вся Вселенная ее увидела.

– О! О!.. Звезда! – вскричала Марьяна, рванулась к ней – и ощутила, что падает, падает... на пол троллейбуса.

Суматошно вскочив, огляделась.

Да ведь она заснула! Только во сне бывают светлые чудеса, а явь по-прежнему кошмарна: ночь, стужа, нечеловеческий голос ревет о братце Луи из музыкального ларька, а на часах... Господи, помилуй! На часах полночь!

Марьяна кинулась к двери и ударилась в нее с такой силой, что на мгновение застыла оглушенная. И не поверила себе, вдруг услышав:

– Эй? Тут кто-то есть?

Марьяна была так ошеломлена, что какое-то мгновение не могла вымолвить ни слова. Наконец собралась с силами:

– Помогите! Выпустите меня!

Собственный голос, слежавшийся в теплой глубине горла и пропитанный слезами, показался чужим, пугающим полубасом.

В ту же минуту в дверь просунулись две большие руки в черных кожаных перчатках, на которых тускло блеснул отсвет фонарей, и вцепились в створки. Потянули в стороны... двери простуженно заскрипели, а потом медленно, томительно медленно повернулись на шарнирах, образовав щель, вполне достаточную, чтобы в нее мог протиснуться человек.

Марьяна замороженно глядела на этот путь к свободе, не веря своему счастью, пока голос снаружи не окликнул ее с некоторой долей раздражения:

– Да ты там спишь, что ли, мужик? У меня ведь руки, а не домкрат!

Марьяна ринулась вперед и вылетела на улицу, как пробка из бутылки, едва не сбив с ног своего спасителя, который, поймав ее на лету, изумленно протянул:

– Батюшки! А я думал – там парень!

Потянул носом – от Марьяниной шубки остро несло шампанским:

– Гуляем помаленьку?

Глаза его весело поблескивали, и голос был добродушный, не обидный. Да и как можно обидеться на человека, который спас тебе жизнь?

– Это я хотела стекло высадить бутылкой, да уронила, – пояснила Марьяна, передергиваясь от еще не изжитого ужаса. – Вы мне, можно сказать, жизнь спасли! Дай вам Бог здоровья!

– Да кто тебя сюда посадил? – удивился спаситель.

Разговоры были некстати, но Марьяна чувствовала, что этот человек имеет право получить от нее какое-то объяснение. И, нетерпеливо приплясывая, она выложила всю свою печальную историю.

Не дослушав, спаситель выдернул из сугроба кейс и, открыв его на коленке, протянул Марьяне темную бутылку:

– Сейчас вы шампанское вряд ли где-нибудь найдете, так что держите. Вот.

Она отшатнулась, изумленная и подарком, и этим вежливым «вы», на которое спаситель вдруг перешел, но он чуть ли не силком сунул бутылку с золотой этикеткой ей в руки:

– Берите, берите! У меня еще две в кейсе, нам с друзьями вполне хватит. Это вам не кисленький «Брют», а кое-что поинтересней: «Губернатор». Не пробовали? Как раз полусладкое.

– Спасибо вам не знаю какое! – пробормотала Марьяна. – Я сейчас заплачу!

Он усмехнулся, вглядываясь в ее заплаканное, утомленное лицо:

– Представьте, что я Дед Мороз. А деньги лучше на очередной штраф приберегите. А может, вас вообще проводить, а то вы что-то качаетесь?

– Спасибо, не на...

Она не договорила, ибо почувствовала, что «качка» сейчас обернется катастрофой. Бедный, измерзшийся организм вконец взбунтовался, терпеть больше не было сил. Марьяна резко повернулась и кинулась в подворотню, в глухую тень забора, напрочь позабыв о том, что слово «неприлично» когда-то входило в ее лексикон.

Путаясь в одежках, с ужасом представила, что будет, если ее спаситель последует за ней, но он только рассмеялся, а потом снежный наст громко заскрипел под его шагами: он уходил, и, когда Марьяна выбралась из благословенных сугробов, улица была пуста.

Марьяна глянула на часы и увидела, что на них все еще ровно двенадцать. «Праздничную полночь можно и задержать», – вспомнились слова из любимого «Мастера и Маргариты». Нет, вряд ли. Просто часы остановились. Но все равно – надо спешить! И, прощально погрозив кулаком своей камере пыток, Марьяна кинулась бежать по Варварке, воображая, какая рожа будет у этого мерзейшего водителя, когда он вернется – а пленницы в троллейбусе нет! И там полно осколков! И несет шампанским!

И, главное, штраф-то она так и не заплатила.

К дому Марьяна долетела, словно на крыльях. Из всех окон бил свет, и деревья у стен, чудилось, ежились, исхлестанные этими жгучими лучами.

Привычным взглядом нашла свой балкон. Отцовское окошко тихонько мерцает, как бледный фонарь светляка: горит лампа над изголовьем.

Ворвалась в квартиру, лязгая ключами.

– Это я! Ты не спишь? Переволновался? Не представляешь, что со мной было! Называется, жадность фраера стубила! – кричала Марьяна, расшвыривая сапоги, кидая на пол шубу с шапкой.

Схватив за горлышко неожиданный трофей и взлохматив смятые волосы, она ворвалась к отцу, но ноги ее подогнулись, и Марьяна села прямо у порога.

Постель была вся разорена, простыни сбиты, подушки, одеяла валялись на полу. Отец распростерся в странной, изломанной позе. И на его лице застыло то же самое измученное, страдальческое выражение, которое она видела в своем сне.

Марьяна спала и видела сон, а ее отец в эту минуту умирал. Эта смерть ей снилась! Да за что, за что же судьба так злобно с нею обошлась?

Она коротко, пронзительно вскрикнула – и зажала рот рукой. Господи, как тихо было, мертвенно тихо! Не сразу поняла, что остановился громко шелкавший будильник у изголовья кровати, да и не он один – все часы в доме, как оказалось, стояли. И все стрелки сошлись на полуночи.

Новогодняя полночь! Он умер в полночь, когда люди смеялись, поздравляли друг друга, мечтали о будущем, поднимали бокалы с шампанским!

Шампанское... Это слово прорвало оцепенение, овладевшее Марьяной.

Шампанское.

Она перевела взор на темно-зеленую тяжелую бутылку.

«Главное, ты его выпить не забудь потом...» – словно наяву произнес родной голос, и Марьяна вскрикнула:

– Ты знал? Ты знал, что так будет? Ты знал, ты меня нарочно отослал!..

Тишина. «И безответен неба житель!» Отец часто цитировал эти слова Пушкина, но каким новым, каким странным смыслом они сейчас наполнились!..

Цепляясь за стенку, Марьяна медленно поднялась и приблизилась к отцу. С трудом закрыла ему глаза монетами; как могла, подвязала уже охолодевшую челюсть; а руки и ноги были так сведены предсмертной судорогой, что с ними она не справилась: просто накрыла тело новой простыней и ушла на кухню. Надо, наверное, позвонить... куда звонят в таких случаях? В больницу? В милицию? Но сначала – шампанское. Раз он так хотел... полусладкое...

Неожиданно легко, без выстрела, без брызг, открыла красивую бутылку. И правда – называется «Губернатор». Придумают же!

Налила в бокал.

Горло сжималось, но Марьяна старательно проталкивала в него глоток за глотком, словно выполняла нелегкую, но необходимую работу. Вкуса она не чувствовала да и вряд ли осознавала, что, собственно, делает. Сейчас всем, что было для нее самым святым: жизнью матери и смертью отца... – она клялась, что найдет того парня, того водителя, того убийцу, – и отомстит ему. Отомстит! Она знала, что сделает это, даже если его придется искать всю жизнь!

* * *

– Позвольте представиться, – шаркнул расшлепанной сандалией юноша в пиратской косынке. – Князь Василий Шеметов.

Марьяна сняла очки и озадаченно уставилась на парня, но теперь и его лицо изумленно вытянулось, а потому Марьяна, осознав свою оплошность, вновь нацепила очки. Как во сне, протянула руку – юнец, ловко щелкнув сандалиями, поднес ее пальцы к губам.

– Лариса Я... Яценко... – неуверенно пробормотала Марьяна, понимая, что ему почему-то известно, что она врёт, но теперь лицо странного паренька было воплощением любезности:

– Как вам будет угодно, мадам.

Итак, он оставлял за ней право называться, как она хочет. И на том спасибо. «Нет, но каковы претензии! Князь, главное дело! Что за бред, что за белогвардейщина опереточная!» – раздраженно подумала Марьяна, поудобнее перехватывая свою ношу, и тут князь Шеметов подался вперед:

– Позвольте вам помочь, сударыня.

– Благодарствуйте, – буркнула Марьяна, невольно впадая в его стилистику. – Право, не стоит беспокоиться, ваша светлость.

Она слегка попятилась, меньше всего желая вести здесь, в полутемном проулке, светскую беседу с каким-то психом, обуреваемым манией величия, как вдруг ожгла новая догадка: чумазый князь явно перестарался, избавляя ее от преследователей! Если Лариса и Санька все еще в опасности, значит, ей надо продолжать водить за собой погоню, а кого теперь водить, спрашивается?!

Как это частенько случается, на прямой вопрос судьба дала столь же прямой и недвусмысленный ответ. Из-за угла выскочил широкоплечий, кряжистый араб и, завидев Марьяну, победно закурлыкал, радостно ослабившись.

Китмир, мгновенно оценивший ситуацию, изготовился к прыжку, но араб выхватил пистолет, и Василий едва успел удержать храброго пса за загривок.

Держа их на прицеле, араб медленно потянулся левой рукой к Марьяне – она окаменела – и, кончиками пальцев подцепив край изара, сильно дернул...

В следующее мгновение лицо его исказилось гримасой ужаса, и с криком: «Жгучая чума!» – он воздел руки, как бы призывая Аллаха в свидетели свершившегося: вместо ребенка, за которого была назначена щедрая награда, его глазам предстала огромная игрушечная обезьяна в плотно нахлобученной каскетке и белых кроссовках!

Секундного замешательства противника хватило Китмиру, чтобы защелкнуть челюсти на его запястье. Пистолет вывалился, а князь Василий, с гортанным криком крутнувшись вокруг

своей оси, вlepил в лоб преследователя такой удар ногой, что сандалия свалилась в пыль. Рядом рухнул араб.

«Усиро-маваси-гири», – ни с того ни с сего вспомнила Марьяна, как Надежда называла этот прием карате-до. Надо же, запомнила!..

Тем временем князь торопливо обулся, сунул пистолет араба за пояс штанов, под майку, а потом подхватил бесчувственное тело под мышки и уволок в какой-то подвальчик, откуда отчетливо тянуло дурманным, сладковатым запахом.

Китмир поглядел на оторопевшую Марьяну, потом зубами поднял с мостовой скомканный изар и подал ей. Но у Марьяны не было сил даже рассмеяться, не то что пошевелиться!

Появился Василий, торопливо потрепал по холке пса, снова укутал обезьяну шелком так, что опять ее стало не отличить от ребенка, и осторожно взял Марьяну под локоток:

– Позвольте сопровождать вас, сударыня. Вы несколько бледны...

– Где он? – с трудом разомкнула губы Марьяна.

– Не извольте беспокоиться, – усмехнулся князь Василий. – Я препроводил этого молодого человека в некое заведение, где хозяин пробавляется продажей банджа. Простите за арабизм, я хотел сказать, гашиша. Поверьте, очнувшись через трое суток, он не сразу вспомнит даже свое имя, ну а зрелище, коему стал сегодня свидетелем, и вовсе изгладится из его памяти!

«Похоже, – подумала Марьяна, с трудом прорываясь сквозь путы его медлительной, архаичной речи, – этот парень – истинная чума египетская! Он что, подрядился нарушать все наши тщательно разработанные планы?!»

– Премного благодарна за помощь, – процедила Марьяна, – однако смею надеяться, впредь я буду избавлена от неуместного заступничества!

Несколько секунд его светлость глядел на нее недоумевающими карими глазами, потом протянул:

– Я-асно. Значит, вы должны вести за собой погоню? Вы – как бы это выразиться поизящнее – подсадная утка?

– Не твое дело! – огрызнулась Марьяна, но князь сокрушенно покачал головой:

– Виноват. Я проявил непростительную недогадливость. Но я исправлю свою ошибку, клянусь.

Отдав короткое приказание Китмиру, который тут же встал рядом с Марьяной в позе неподкупного тюремщика, князь Василий вновь нырнул в подвальчик, откуда вскоре и появился, пытая от тяжести уже знакомого араба, которого он тащил за плечи, в то время как ноги его поддерживал лысый толстяк в синем халате, полы которого с трудом на нем сходились, так что смуглый живот нависал над короткими шароварами. Лысину его венчала маленькая белая шапочка.

Пес при виде этой процессии попятился, словно в удивлении, да и Марьяна взвизгнула, когда безвольное тело уложили под стенкой:

– Вы с ума сошли! Зачем?

– Когда его увидят сообщники, они поймут, что идут по верному следу, – пояснил князь Василий, поправляя свою пиратскую косынку так, чтобы узел приходился точно над левым ухом. Очевидно, в этом заключался особый шик.

Толстяк отер пот со лба, и Марьяна увидела на его ладони татуировку: крест и дата – 9.12.97.

Толстяк смотрел выжидательно. Князь Василий озабоченно пошарил по карманам, но вот лицо его озарилось, он выхватил из-за пояса пистолет араба и подал его толстяку. Тот выразил неопишуемый восторг, благодарно закланялся, задом наперед спускаясь в свой подвальчик, но Марьяна глядела не на него: она вдруг заметила, что на руке Василия вытатуирован точно такой же крест и дата: 9.12.97!

Ее даже озноб пробрал. Неужели банда? Неужели она угодила к каким-то здешним мафи-кам? Этот князь... чепуха, вранье, конечно! Зачем он за ней следил? Зачем спасал? Может быть, самостоятельно охотился за Ларисой и Санькой, надеясь перебить «товар» у конкурентов, ну а когда обнаружил, что перед ним вовсе не те, – чего он хочет теперь? Что значит этот крест, эта цифра? Дата образования банды?..

Надо срочно уносить ноги!

Понять это – полдела; оторваться же от князя Василия и его веселого Китмира оказалось ох как непросто! Они шли нарочито неторопливо, куда глаза глядят, и Марьяна никак не могла понять, в самом ли деле погоня потеряла ее след, или преследователи просто держатся поодаль, не желая обнаруживать себя перед невестой откуда взявшимся юнцом и его отважным псом. «Ну а если бы они знали, что это не кто-нибудь, а русский князь...» – усмехнулась Марьяна.

Кстати, Василий, которого гораздо уместнее было бы называть просто Васькой, кажется, не врал. Во всяком случае, он уверял, что его прапрадедом действительно был князь Василий Шеметов, известный в начале века египтолог, который октябрь семнадцатого встретил на плато Гиза в составе этнографической экспедиции Британского музея, пытавшейся отыскать описанный Страбоном вход в пирамиду Хеопса.

Но и входа этого легендарного не сыскалось, и въезд в Россию был теперь заказан... У Шеметова, к счастью, имелся счет в Женеве: это и позволило ему выжить, ибо на гонорары за неудавшуюся экспедицию, как и на доходы с нижегородского имения, рассчитывать уже не приходилось.

До 1919 года Шеметов прожил в Каире один, устроившись на работу в Египетский музей, а потом появились и другие русские: в основном деникинские и врангелевские офицеры и десяток штатских, для которых жизнь на чужбине начиналась с английского лагеря в местечке Телль аль-Кериб, что лежало на полпути между Каиром и Исмиллией. Там Шеметов и нашел себе жену – Танечку Семенову, которая, похоронив расстрелянных родителей, бежала от революции из Одессы, зашив в подкладку жакетика мамыны бриллианты, – и начисто забыла о них среди тягот бегства и жизни среди голой, песчаной, бесконечной равнины, в палаточном городке, окруженном колючей проволокой. Так что князь Шеметов не сомневался, что берет за себя робкую бесприданницу. Бриллианты обнаружили совершенно случайно: лет через десять подкладка ветхой жакетки вовсе истерлась до дыр – камушки и посыпались. Пришлись они весьма кстати, превратив скромное существование Шеметовых в безбедное.

Потомкам тоже кое-что досталось. Рождались все больше мальчики, старшего всегда называли Василием; женились только на своих, даже если за невестами приходилось ездить в Сирию или Турцию. На эту родовую ренту жила и мать нынешнего князя Василия Шеметова, а сам он учился в колледже, подрабатывая гидом у русских туристов или просто слоняясь по Каиру, который знал, как его прапрадед – свое приснопамятное имение.

Занимать даму беседой Васька считал своей неременной обязанностью; кроме того, он желал отрекомендоваться как можно лучше, и скоро Марьяна все узнала о нем, даже то, что имя своему псу он дал в честь того самого легендарного Китмира, о котором рассказывает Коран: этот пес принадлежал юношам, которые спасались в пещере от идолопоклонников. По воле Аллаха, они спали триста лет, а Китмир, охраняя их, научился говорить и фактически стал человеком.

Конечно, Марьяна вместе с Ларисой, по подсказке Виктора, прочла что возможно о Египте перед поездкой в Каир, даже занималась языком, но в Коран, к сожалению, заглянуть не удосужилась.

С князем Васькой было очень интересно, однако Марьяна, не забывая о подозрительной татуировке на его худой, оживленно жестикулирующей руке, продолжала измышлять способы отвязаться от ненужных более провожатых.

Между тем Васька, похоже, прочел ее мысли: умолк, держался отчужденно. Даже Китмир больше не ластился, не падал внезапно в пыль, выставляя ногу пистолетом и принимаясь яростно выгрызать зловредную блоху, не взлаивал от избытка чувств – шел поодаль, но Марьяна чувствовала себя так, будто он ее не охранял, а стерег...

– Быть может... – вдруг нерешительно нарушил молчание князь Васька, – быть может, мадемуазель скажет мне, куда ее сопроводить, чтобы я мог как можно скорее избавиться от моего присутствия?

Ну, знаете! Это было уж прямо по-китайски, вежливо до тошноты!

– Да брось ты, – не нашла ничего лучшего в своем словаре Марьяна, – не выдумывай, я просто...

– Вы мне не доверяете, не так ли? Но почему? Pourquoi?

Бог весть зачем он заговорил по-французски, но отчего-то именно это слово оказалось последним доводом, заставившим Марьяну признаться.

Она взяла Ваську за руку и повернула ладонь тыльной стороной вверх:

– Из-за этого.

– Из-за этого? Но почему? Pourquoi?! – От изумления князь Васька сделался однообразен.

– Почему у вас одинаковые татуировки с тем содержателем опиекурильни и с мальчишкой, живущим на крыше? Вы принадлежите к одной шайке? И с чего это вы все так рьяно мне помогаете?

– Русские должны держаться друг друга, – веско заявил юный князь. – Так же, как и единоверцы, христиане, если они живут в стране, где господствует чужая религия. Разумеется, нас никто не притесняет, но братья по Творцу на чужбине почти то же, что соотечественники, понимаете? А человек, который помогал вам, – это копт, потомок коренных египтян. Он христианин, и я тоже православный христианин. Здесь так принято, – он простер руку, – после хождения в Иерусалим оставлять этот знак: крест и дату паломничества. Толстяка зовут Ани. Это древнее имя... Мы познакомились в декабре прошлого года, когда ходили с матушкой поклониться святым местам.

Марьяна шла молча, ничего не видя перед собой. Боже!.. Выставить себя такой дурой! Нет, у нее мания преследования, конечно. Типичная паранойя!

От стыда ее просто-таки колотило, но вот что-то теплое, пушистое, пыльное прильнуло к ее колену, и она увидела, что это голова Китмира. Выходит, ее простили?..

– Вы с матушкой? – проронила Марьяна. – Ваша матушка живет в Каире?

– Разумеется. У нас домик в Гелиополисе, здешнем пригороде. Я давно желал вам сказать, – князь Васька взглянул на Марьяну темными серьезными глазами, – что самым лучшим было бы для вас переждать весь этот кошмар в нашем доме. Я не знаю, кто вас преследует: боевики из «Аль-Гамаа аль-исламия», «Баухид ва зилдра» или «Аль-Джихад аль-Джедид», а может, идет какая-то мафиозная разборка («Ого!» – мысленно отметила Марьяна), не ведаю, какие дела вершат ваши друзья, но я попытаюсь узнать все, что можно, об их судьбе, а вы пока поживите у нас в доме.

– Нет, – покачала головой Марьяна. – Нет, ну что вы...

– Соотечественники должны помогать друг другу, – настаивал Васька. – Моя матушка почтет за честь приютить вас!

– Нет! – вскинулась Марьяна. – У меня тоже есть понятие о чести, я не могу подвергать опасности ни в чем не повинных людей!

Васька взглянул на нее с восхищением. Уж эта речь была ему близка!

Так. Понятие о чести у Марьяны есть, это они выяснили. Осталась такая малость: выяснить, почему, pourquoi, в конце концов, загорелся весь этот сыр-бор, какие такие дела Хозяина навлекли на Марьяну все эти невероятные приключения?

* * *

После встречи с Витькой-Федор Ивановичем жизнь Корсаковых резко переменилась. Нет, больше денег украдкой он Марьяне не совал, откупиться не пытался: держался так, словно встретился с давно потерянными, а теперь обретенными родственниками. Он сам отвез Марьяну из больницы домой, сам возил ее каждую неделю на процедуры, на рентген, а если не мог, присылал своего «сотрудника» – добродушного ловеласа Женьку, который, чудилось, камуфлю надевал просто для пижонства, так не шла она к его веселому лицу и общей белобрывости. Марьяна Женьке нравилась, и он делал ей весьма щедрые авансы, но выглядело это как-то очень весело, ни к чему не обязывающе. Вдобавок он рассказывал ей обо всех своих подружках, особенно часто – про Таню с Ирой, обе девицы имели глупость считать себя единственной владычицей игривого Женькиного сердца. Татьяна вдобавок была замужем, это создавало массу дополнительных неудобств... впрочем, Марьяна очень скоро поняла, что именно неудобства Женька и любит пуще Татьяны, пуще самой любви. Глядя на Женьку, Марьяна не понимала, как можно воспринимать его иначе чем подружку? Ну какой из него возлюбленный? Но поболтать, посмеяться с ним было очень здорово. Женька скрашивал Марьяне часы ожидания в травмпункте, в очереди, где этой скользкой зимой было очень много народу.

Марьяна долгое время не знала, кем работает Женька у Виктора – при всем своем простодушии он очень ловко умел уворачиваться от ненужных вопросов. Ей еще предстояло сделать открытие, что Женька был водителем Хозяина и одним из его охранников. Не свались он с тяжелейшим гриппом, оказался сам за рулем в тот январский день, никакой беды на площади Свободы не случилось бы, и, наверное, Марьяна никогда больше не встретилась бы с Витькой-Федор Ивановичем, а значит, жизнь ее пошла бы совершенно иным путем. Ну что ж, всегда случается только то, что должно случиться: иначе говоря, чему быть, того не миновать!

Виктор, наверное, ожидал, что, войдя в квартиру Корсаковых, он вернется на десяток лет назад, когда здесь сияли синие глаза Ирины Сергеевны и улыбки Михаила Алексеевича, а потому вид этих мрачных, погруженных в глубокую тишину комнат поразил его в самое сердце. И особенно – облик Ирины Сергеевны, одетой в черное, исхудавшей, состарившейся, угрюмой, схоронившей вместе с мужем не только здоровье, красоту, очарование, но словно бы и душу свою. Прошло уже больше года после его смерти, но, похоже, лишь теперь до Ирины Сергеевны наконец дошло, что ее любимый ушел навеки, навсегда!.. Весь минувший год ее занимало устройство Марьяниной судьбы, а потом попытки отойти от последствий этого устройства, но теперь, когда все наконец уладилось, собственное горе, невосполнимая утрата обрушились на нее с новой силой – и совершенно подавили. Даже встреча со старым знакомым, столь волшебным образом преобразившимся, не оживила ее исплаканного лица. Марьяна тоже тяжело страдала по отцу, но она была молода, а значит, легка мыслями. К тому же слишком многое испытала она за минувший год, да и перелом сослужил свою службу – телесная боль затмила душевную. Для матери же внезапная болезнь Марьяны была досадной помехой, отвлекавшей от непрерывной, всепоглощающей, ставшей смыслом ее теперешнего существования тоски по мужу, которого она любила воистину больше всего на свете.

Марьяну это не удивляло. Она с самого рождения ощущала, что сердце мамы все, без остатка, отдано отцу. Ирина Сергеевна любила дочь скорее умом и инстинктом, даже ласки ее были всегда словно бы холодком подернуты, хотя она могла считаться очень заботливой матерью. Отец был Марьяне близким другом, но для ее матери в нем заключался смысл жизни! И вот теперь его не стало... а значит, не стало и самой жизни.

Веселая бестактность была одной из главных свойств натуры Виктора Яценко, об этом Марьяне еще предстояло узнать, но в тот день именно его бестактность оказала на Ирину Сергеевну благотворное действие. Под натиском расспросов – Виктор все хотел знать об их жизни,

о заработке, о квартплате, о неминуемом сокращении штатов в библиотеке, где работала Ирина Сергеевна и куда ей после отпуска уже не следовало выходить, об отношении Марьяны к школе, куда она попала по распределению, о ее друзьях, подругах, поклонниках, о книгах, которые она любила, о блюдах, которые умела готовить, о пристрастии к уборке квартиры, о рисовании пастелью, которым она увлекалась, о том, что шьет, что вяжет... Итак, под натиском этих вопросов Ирина Сергеевна не то что оживилась, а как бы оттаяла немножко, и даже подобие улыбки коснулось ее бледных губ:

– Ты так выпрашиваешь, Витя, словно жениться на Марьянке собрался!

Марьяна вздрогнула, вспомнив, как заводи́ла мать подобные разговоры год назад, – и к чему это привело.

– Нет, – серьезно ответил Виктор, – я уже женился. У меня сын растет!

– Ну и как? Кто она? Как зовут сына? Ты счастлив? Теперь все хорошо? – принялась оживленно выпрашивать Марьяна, стараясь замаскировать шальную, мгновенную надежду: а как, в самом деле, было б здорово, если бы этот богатый, уверенный в себе, веселый и добрый человек и впрямь женился на ней, забрал из этой квартиры, из этой ее жизни, оплетенной черной паутиной неизбывной, смертельной тоски! Нет, она не ощущала к Виктору ни любви, ни влечения, напротив, он был как бы дядька или двоюродный брат, но она не хотела, боялась так и остаться заживо погребенной здесь вместе с матерью – и стыдилась своего страха: ей казалось, что этим страхом она предаст родителей.

– Ее Лариса зовут, – начал обстоятельно отвечать Виктор, – а сына – Санька. Он – вылитый я, а Лариса красавица. Ну очень красивая! И такая спокойная, сдержанная!.. Я, конечно, по любви женился, но и по расчету – тоже. Это был перст судьбы. Я ее на конкурсе красоты увидел – и сразу узнал: она! Вот, думаю, Бог меня за все и простил, и награду дает. Теперь все в моей жизни переменится, теперь... – Он махнул рукой. – Чтобы ее с конкурса снять, я такие деньжищи отвалил! Настоящий калым за невесту. И не зря. Чувствовал, что Лариса родит мне хорошего сына, так оно и вышло. Правда, года два у нас детей не было, я уж отчаялся. Но, слава Богу... Ох, мы и намучились! Ее на сохранение положили чуть ли не с двух месяцев, причем клиника была страшно дорогая. Но это тьфу, чепуха. Сейчас я все эти кошмарные месяцы со смехом вспоминаю. У нее токсикоз был ужаснейший, мне ее видеть почти не разрешали: то она под капельницей, то спит... А главврач, он же хозяин клиники, до чего забавный был мужик! – тараторил Виктор. – Деньги из ушей лезли. Да уж, брал он за свои услуги не хило – зато дело знал. Художник, истинный художник! Ох, какой у меня Санька!..

Марьяна слушала Виктора, чуть ли не разинув рот: ей еще не приходилось видеть мужчину, который бы натурально таял от любви к сыну. А Ирина Сергеевна, чудилось, уже утратила интерес к разговору, сидела, отсутствующе глядя на фотографию мужа.

Виктор наконец заметил это. Умолк, вздохнул, тоже поглядел на портрет Михаила Алексеевича, а потом ка-ак брякнет:

– Знаете что, Ирина Сергеевна? По-моему, вам надо в монастырь идти, вот что!

Марьяна ахнула, схватилась за виски, с ужасом уставилась на Виктора, ожидая взрыва негодования матери, слез, но внезапно ощутила некое странное спокойствие, воцарившееся в комнате. Оно напоминало мгновенное облегчение, которое осеняет нас после долгожданного прощения вины... Да и лицо Ирины Сергеевны вдруг сделалось задумчивым, мягким, без прежних трагических теней.

– У-ди-ви-тель-но... – медленно проговорила она, задумчиво глядя на Виктора. – Удивительно, что ты вот сейчас сказал это! Я ведь только об этом все время и думаю. Михаил умер без меня, я была в Дивееве – словно еще тогда Бог мне путь указывал! И вот сейчас ты сказал... Только Марьяну тяжело одну оставить.

– А вы ее и не оставите одну, – решительно произнес Виктор. – Я ведь к вам с серьезным предложением пришел – хоть и не руки и сердца. Марьянка, очень прошу, не откажи, переезжай в мой дом и займись воспитанием Саньки!

– Как это? – простодушно удивилась Марьяна. – А садик? А школа?

– Ну, до школы ему еще далеко, пацану всего четыре. В детсад не пойдет, ни к чему это. А бабулька его, Ларисина мать, болеет, тяжело ей. К тому же Саньке пора не только расти-цвести, но и человеком становиться. Языки учить. Ну и всякое такое.

– А жена твоя что же?

– Ну, жена! Лариса – другой человек. Она не может только Санькой заниматься. Не получается. Ну, она такая... не ее это дело. Тут нужно человека, как сказать... чтоб все время при сыне был. Раньше такие люди гувернерами назывались. Гувернантками. Иди, Марьяна, к моему Саньке в гувернантки, а? Поверь, заработком ты будешь довольна. Питание, квартира – все бесплатно. Если матушка все же уедет в Дивеево, эти ваши комнаты сдадим надежным людям – тоже какие-никакие деньги пойдут тебе на счет. Соглашайся, Марьянка! Меня дела часто за границу уводят, поездишь с нами, мир посмотришь. Ну что тебе киснуть в этой твоей школе?!

И хотя работу учителя английского языка в шестых и седьмых классах средней школы можно было назвать как угодно, только не словом «киснуть», Марьяна готова была сбежать оттуда с радостью. Она любила детей... но когда их сорок человек в душной комнате: орущих, хохочущих, ненавидящих и эту тарабарщину, и всю учебу на свете, и эту девчонку-училку с высокомерным взглядом, которая делает вид, что их не боится, а саму дрожь так и бьет! Не она, Марьяна, сделала этих детей такими: ни во что не верящими, никого не любящими, не она опрокинула все понятия о добре и зле, черном и белом, – так почему же она обречена исправлять эти ошибки? Нет, предложение Виктора – просто благо, дар небес. И все же Марьяна еще колебалась.

«Сказать ему? – думала лихорадочно. – Он же ничего обо мне не знает, он думает, что я все та же Гертруда, девочка, которой всех жалко, а ведь в моей жизни был прошлый год... я могу пытаться забыть его, но не могу выкинуть из жизни, как бы ни хотелось!»

Да, наверное, надо было обо всем рассказать Виктору, но как? Как начать? И мама молчит. Наверное, и правда хочет, чтобы дочка развязала ей руки.

– Но... но почему же ты выбрал меня? – спросила Марьяна робко. – Ты ведь, судя по всему, в деньгах нужды не знаешь, можешь хоть профессоров к своему сыну нанять, самых опытных педагогов. А я – что я? Или, может, ты это делаешь из чувства долга, ну, вот за это? – Она постучала по загипсованной ноге. – Так это ничего, я на тебя несколько не сержусь, ни чуточки, ты совсем не должен...

– Хорошая ты девчонка, Гертруда, – перебил Виктор, – только ни черта в людях не разбираешься. Я хочу, чтобы моего сына любили. Но ведь наемной любви не бывает. А я тебя вот с этих лет знаю, вдобавок ты дочь своего отца, а значит, душа у тебя... – Он вдруг смущенно отвел глаза: – Ну, я не знаю. Соглашайся, а?

Марьяна растерянно взглянула на мать, ища поддержки, но та снова смотрела на портрет мужа, больше ничего не видя, губы ее дрожали – то ли от сдерживаемых слез, то ли от мечтательной полуулыбки... нет, поддержки и помощи у нее больше искать не стоит, надо рассчитывать только на себя!

– Так согласна? – тихо спросил Виктор.

Марьяна неуверенно кивнула, но тут подала голос Ирина Сергеевна, бросившая из потусторонних далей последний взор на мирские проблемы:

– Надеюсь, у Марьяны будет отдельная комната?

Виктор вытаращил глаза, а потом вдруг зашелся мелким хохотом, словно Ирина Сергеевна Бог весть как удачно пошутила:

– Комната?! Да конечно же! Отдельная комната! Да хоть пять!

И напрасно Марьяна с матерью решили, что Виктор шутит. Комнат в ее распоряжении оказалось именно пять: спальня, кабинет с отлично подобранной библиотекой, где она должна была готовиться к занятиям со своим воспитанником, потом Санькина спальня, игровая комната и еще не совсем подготовленная классная. Вдобавок отдельные, только для них с Санькой, ванная и туалет. Все это было оклеено английскими обоями, обставлено итальянской мебелью – ну и так далее. После первого шока Марьяна очень быстро освоилась во всем этом великолепии, однако проводить время с Санькой предпочитала в саду или в собственно детской – игровой комнате: не сидеть за столом, долбя английский, а непринужденно учить восприимчивого, как зеркало, мальчишку, запуская змея, или толкая вагончики игрушечной железной дороги, или устраивая автогонки, или разворачивая грандиозные баталии между пластмассовыми армиями, или разыгрывая представления со множеством кукол и зверей, которые обитали в этой грандиозной, невиданной детской.

«Неужели я тут живу?» – это восторженное недоумение преследовало ее теперь постоянно. Здесь как бы обитала большая дружная семья: Виктор с женой и сыном, Надежда, Марьяна, Женька, горничная Сталина и повариха Ирочка – та самая Женькина пассия. Существовала еще сменная охрана, однако Марьяна ее почти не замечала. Новое положение каменной стеной отгородило ее не только от этих молчаливых, как забор, и столь же непроницаемых людей, но и от безденежья, очередей, тоскливых взглядов нищих старух, нервотрепки в школе – от ненависти ко дню сегодняшнему и страха перед завтрашним. А главное – помогало забыть прошлое!

Строго говоря, одного человека из прошлого она все же видела каждый день. Нет, не Виктора. А его жену.

Забавно было увидеть знакомое лицо... Вот оно, соединение политического капитала с криминальным! Лариса была дочерью Кобрин, обкомовского завождем – того самого, в подчинении у которого находился Марьянин отец. Нет, семьи Кобриных и Корсаковых особо не общались, девочки никогда не дружили – так, знали друг друга понаслышке. Кобрины держались в стороне от каких-то там инструкторов, более тяготели к семьям секретарей. Лариса училась в престижной первой школе, мать ее никогда не работала – в отличие от Марьяниной матери. Собственно, о жизни Ларисы Марьяна почти ничего не знала. Правда, однажды прошел темный слухок про историю с каким-то мальчишкой, которого не то из школы исключили, не то он сам ушел... А может быть, все это были сплетни, давние сплетни. Такие же, как истории про самого Кобрин, одно время ходившие по городу. Будто после запрета компартии на его имя были положены огромные партийные деньги и открыта якобы частная фирма. Сначала дела как-то шли и даже процветали, а потом Кобрин здорово накололо какое-то российско-зарубежное предприятие. Причем заманили его как надо, дав возможность «наварить» призрачную сумму на пустячной спекуляции. И второй раз прибыль оказалась очень недурной.

Так что третий раз Кобрин вложил в проект с ручками и ножками... а спустя месяц узнал, что фирма эта иностранная вовсе и не существовала никогда, действовала через посредников, которых и след простыл. Тот же нижегородский бизнесмен, который выкопал для Кобрина яму, сделал большие глаза: я, мол, не я и бородавка не моя, от всего откестился! А Кобрин не стал ждать ни разборки товарищей по партии, ни наезда финансовых да налоговых органов: застрелился из охотничьего ружья, оставив записку, о содержании которой какие только домыслы не ходили. Впрочем, вполне возможно, это вообще всё были домыслы. Достоверно Марьяна знала одно: Кобрин «погорел» – и покончил с собой. Не спрашивать же подробности у Ларисы, которая, хоть и держалась вполне демократично, все же не давала Марьяне забыть дистанцию, хотя та поглядывала на нее сочувственно: все-таки они обе поте-

ряли отцов!.. Вообще, после смерти Кобрина дела у его семьи, очевидно, шли худо, если они из престижного дома № 1 на площади Минина перебрались в ту зачуханную хрущевку, где теперь жила мать Ларисы. Марьяну удивляло, что отдельно. Ну, может быть, не одобряла брака дочери... Похоже, там было не очень-то много любви – во всяком случае, со стороны Ларисы. Хотя та похорошела... поразительно красивой стала! Новый цвет волос – черный с медным блеском – шел ей необыкновенно, куда выигрышнее оттеняя огромные голубые глаза и белоснежную кожу, чем прежняя золотистая грива. Эта выхоленная красота подавляла Марьяну...

Но и при этом ей здесь совсем недурно жилось!

Даже тоска по отцу, даже тяжелые воспоминания, даже затаенная обида на мать, которая в этом своем Дивееве словно в воду канула, нисколько не интересуясь судьбою дочери, отступали в респектабельных стенах Викторова дома. И это несмотря на то, что он, как теперь принято выражаться, Хозяином был – мафиози.

Виктор этого слова, впрочем, не любил и к себе не относил:

– Я просто везунчик, богатый везунчик, понимаешь?

Марьяна не понимала – до тех пор, пока Виктор, доверявший ей, как родной дочери, не объяснил простыми словами, в чем заключалось его везение.

Когда Союз развалился, Виктор работал на судоремонтном заводе. Кто это время помнит, тому его никогда не забыть! Никакая Черная Африка не боролась с англо-французскими колонизаторами за свою независимость с таким азартом, как, например, украинцы против своих братьев русских. Анекдот об одесском пляже, на котором спасают только тех, кто зовет на помощь на «ридной мове», был, увы, далеко не шуточным. В это фантастическое время случались самые фантастические происшествия, в одно из которых и оказался замешан Виктор Яценко.

Однажды ему позвонил из Киева двоюродный брат, которого новая волна вынесла на весьма высокую должность в независимой и вильной неньке-Украине, и поинтересовался, нельзя ли как-то потянуть должок их ведомства известному на весь бывший Союз судоремонтному заводу. Украина с такой бешеной скоростью формировала свою армию, как будто готовилась к войне за мировое господство, и на некоторых подводных лодках (атомные двигатели для них и ремонтировали в том цехе, в КБ которого работал Виктор), стоявших в самых разных гаванях мира, уже развевались – или полоскались, как угодно! – новые желто-блакитные флаги. Одна из таких лодок маялась в Суэце. Экипаж однозначно отказался служить «взбесившимся хохлам» и в любую минуту готов был дезертировать хоть в Мурманск, своим ходом. Пикантность ситуации состояла в том, что ремонт этой лодки еще не был оплачен ни Украиной союзной, ни свободной, а штраф, согласно договору, уже набегал на нового хозяина.

– Знаешь, – вскользя обмолвился Викторов братан, – было б эту заразу кому там сплавить, в Египте, – оставил бы не глядя! У вас нет заказчиков в арабском мире?

– Как не быть, – задумчиво сказал Виктор. – Как не быть! – И торопливо простился.

Заказчики у этого полусекретного предприятия были везде, в том числе и в Арабской Республике Египет. Впрочем, с началом перестройки их незаметно вытеснил вездесущий Израиль, так что даже вспоминать о бывших друзьях – арабах сделалось как-то неприлично. Однако Виктор дважды бывал в Каире в служебных командировках и сохранил наилучшие отношения с правительственным чиновником Азизом.

– Я и сам не пойму до сих пор, как мне такое в голову пришло! – удивленно рассказывал Виктор Марьяне – и она верила в искренность его удивления. – Мгновенно вспомнились какие-то намеки Азиза, которых я в прежние, советско-партийные и кагэбэшные, времена и понять-то неспособен был, а может, делал вид, что не понимал, – но теперь уже через два дня я взял административный отпуск и полетел в Киев, к Вовчику (Вовчиком звали того самого двоюродного брата – ныне ответственное «незалежное» лицо).

Еще через три дня Виктор сидел в самолете Борисполь – Париж (прямого рейса в Каир из Киева не было), имея при себе два командировочных удостоверения: Минобороны независимой Украины и Минобороны Украинской Советской Социалистической Республики. На старых бланках также были оформлены все доверенности и финансовые документы.

– А ты не боялся?! – воскликнула Марьяна с ужасом, ибо до нее дошел наконец смысл грандиозной махинации, замысленной ее старым знакомцем, коего она всегда почитала человеком простодушным.

– Не боялся, – категорично выставил ладонь Виктор. – И, знаешь, даже стыдно не было. Только зло брало на того трехглавого дракона, который в Беловежской Пуще страну на кусочки разорвал, не спросив никого, не заботясь о нас – ни всех вместе, ни по отдельности. – Виктор подумал немножко, потом махнул рукой: – То есть это я потом себе такое алиби моральное изготовил. Они страну растерзали, а я, как тот черный ворон, остаточки поклевывал, которые плохо лежали. Вот теперь процветаю... хотя, говорят, ворон потому триста лет и живет, что питается одной только мертвечиной!

Короче говоря, Виктор привез экипажу подлодки предписание отправляться в Севастополь, к месту прохождения новой службы в российском флоте: обеспечил братан, воспользовавшись связями в Российском ВМФ. А лодку, задним числом списав, продали арабам – якобы на металлолом. Лом, правда, получился позолоченный, но это в документах не было вовсе отражено. Деньги Виктор получил наличными и тут же положил их в надежный банк, а сам поспешил обратно в Россию: зарегистрировать одно из первых совместных русско-арабско-украинских предприятий – ЗАО «Сфинкс».

Потом Киев вовсе отдрейфовал от России, так что в цепочке осталось лишь два звена. Ну а что именно подразумевалось под этим конкретно, Марьяна не знала – и не очень стремилась узнать. Боялась нечаянно проведать то, что приоткроет перед ней изнанку Викторова бизнеса... именно боялась, что не сможет не осудить его, а кто она такая, чтобы кого-то судить, да и зачем? Тем более человека, от которого видела только добро, в доме которого так счастлива... Гораздо больше ее интересовало, как мог Виктор столь неузнаваемо преобразиться – и внешне, и внутренне. Впрочем, присмотревшись внимательнее к его домочадцам, она поняла, что каждый из них жил в прежние времена совсем другой жизнью... и тоже преобразился неузнаваемо именно благодаря Виктору. Возможно, все эти люди, столь близкие друг другу, прежде были бы совершенно чужими, и дело здесь только в руке судьбы, которая безошибочно свела их.

* * *

Сказать по правде, Марьяна уже едва на ногах держалась. Бесполезно вспоминать о прошлом, искать в нем какие-то путеводные нити, тропки. Смешно же в самом деле предполагать, что где-то в Нижнем Новгороде кто-то неведомый дергал за ниточки и нажимал на кнопки сегодняшних событий! Разве в том смысле, что во Вселенной всегда действует закон всемирного воздаяния. Отец очень любил о нем порассуждать, а Бориса все разговоры Марьяны на эту тему бешено раздражали... Ну вот, ее мысли опять готовы скользнуть в прошлое. Напрасно, она напрасно мучает себя, вот и все.

– Вы устали, – раздался негромкий осторожный голос рядом, и Марьяна беспомощно взглянула на своего спутника: устала, да. И чем дальше, тем меньше смысла видит в своей беготне по Каиру. Конечно, глупейший план они придумали, три девицы под окном, глупее просто некуда! А что было делать?!

Нет, план, может быть, неплох, однако исполнила его Марьяна из рук вон отвратительно. Давным-давно не видит она за собой и подобия преследования – людской поток равнодушно течет мимо, огибая три фигуры, притулившиеся на обочине тротуарчика: измученной жен-

щины с ребенком на руках, худого смуглого юноши и любопытной собаки, которая весело озирается по сторонам. Похоже, Марьяна так замела след, что никакие местные злодеи не могут вновь на него встать. Ну вот, теперь и Каир можно будет включить в список городов мира, спасовавших перед изобретательностью загадочной славянской души, ставшей на извилистую дорожку противоречий с законом...

Это было не смешно, и даже насильно, вымученно Марьяне не удалось улыбнуться. Дурацкая неизвестность! Может быть, осада с виллы давно снята. В конце концов, хоть и с глушителями шла перестрелка, но все же мог отыскаться на весь Каир хоть один полицейский, которого, пусть случайно, занесло в тот район? Вполне могло, убеждала себя Марьяна. И теперь атака отбита, Лариса, Санька и Надя-БМП в безопасности, Виктору дали знать о случившемся, он давно примчался от Азиза, заключил всех троих в объятия, обцеловал, вокруг виллы поставили охрану, там все успокоились, может быть, тяпнули по стопарику для душевного комфорта, заказали ужин из соседнего ресторана – и думать забыли про Марьяну, которая уже невесть сколько времени носится по Каиру, изображая из себя наживку. Подсадную утку – так, кажется, сказал Васька. Вот именно!

Вдруг ее качнуло. Васька оказался рядом, подхватил под руку.

– Ну вот что, сударыня, – сказал почти сердито, заглядывая в Марьянины глаза, вдруг наполнившиеся слезами. – Не сочтите меня наглецом, но вам необходим отдых. Осмелюсь настойчиво предложить...

– Ради Бога! – воскликнула Марьяна, едва сдерживая рыдания. – Прекрати накручивать!

С отвращением услышав в своем голосе истерические нотки, она тут же прикусила губу от злости и стыда, но Васька оказался потрясюще понятлив.

– Аркадий, друг, молю: не говори красиво? – усмехнулся он. – Заметано! Короче, командовать парадом буду я. Сейчас быстро ловим тачку, едем на мою хату. Там ты сидишь в холодке, ловишь кайф, а я сгоняю на эту вашу горячую точку, погляжу, что там и как. Лады?

Марьяна хлопнула ресницами, потрясенная этим мгновенным преображением. Китмир, склонив голову, разглядывал своего хозяина не без замешательства.

– Что-то я не помню, когда это мы пили на брудершафт? – не без ехидства осведомилась Марьяна.

– Блин Клинтон! – яростно раздул ноздри князь Шеметов, и Марьяне вдруг стало смешно:

– Билл. По-моему, его все-таки зовут Билл. А меня – Марьяна. Ладно, Васька, давай, лови тачку. Только зачем мне отсиживаться в твоём родовом поместье? Сейчас проедем мимо виллы, я сама все увижу. Если там тихо, я выйду – и все.

– Миледи, – сердито сказал Васька, – вам не надоело еще вести эту войнушку? Пора отступить перед превосходящими силами противника и дать возможность поработать разведке. В конце концов, у меня дома есть телефон. Можно позвонить куда угодно – и все выяснить, не разбивая ног. Поехали, а, мамзель Марьяна? С матушкой вас познакомлю...

– Тебя, – с улыбкой поправила Марьяна и была вознаграждена смущенной Васькиной улыбкой и восторженным твяканьем Китмира. – Хорошо, поехали. Только... такси я сама возьму, хорошо?

Васька шумно вздохнул, завел глаза к небу:

– Воля ваша, мадемуазель!

Уже взгромоздившись в грохочущее облупленное такси, толстый, отчаянно надушенный негр-шофер которого первым явился на призывный жест Марьяны, выиграв у конкурентов, летевших из всех боковых улочек, не меньше чем полкорпуса, она подумала, что отсидеться у Васьки – это самое разумное. Во-первых... нет, во-вторых, от него можно спокойно позвонить хоть к Азизу, хоть на виллу, чтобы поймать по сотовому Виктора. В-третьих, изрядно осточертело изображать из себя приманку. В-четвертых, есть хочется. А во-первых, в Васькином доме

наверняка есть душ, и хоть это точно разойдется со светскими представлениями о приличиях, именно в душ Марьяна в первую очередь и направится, едва они доберутся до Гелиополиса!

«Дом» на самом деле оказался домиком. Не квартирешкой в бетонном бараке-небоскребе, где каждый балкон увешан разноцветным бельем, а из окон торчат полуразломанные кондиционеры. И не европеизированной стандартной виллой. Просто одноэтажным домиком под плоской крышей. Спереди что-то вроде палисадника за низеньким забором, позади дворик, огороженный бетонными плитами. Ива колыхалась у крыльца, при виде которого Марьяна так и ахнула: ветхое, покосившееся крылечко было до невозможности русское, от резных кружев до точеных балясин.

– А что, правда ты говорил, будто у вас сам Билибин бывал? – в который раз недоверчиво спросила она, и Васька в который раз клятвенно прижал руку к сердцу:

– И Билибин, и Шаляпин, представь себе. Конечно, это теперь из разряда семейных преданий, но – ей-Богу, не легенда, а истина. Матушка тебе все подробнейшим образом расскажет, если пожелаешь.

Марьяна-то желала, однако хозяйки дома не оказалось. Васька нашарил под ступенькой ключ – ох уж эта умилительная российская привычка! – и отпер огромный висячий замок, который из-за древности и несурзости своей мог зваться либо Авосем, либо Небосем. Впрочем, в этом прохладном домике мало что могло бы прельстить каирских разборчивых воришек. Телевизор допотопный, обстановка самая простая. Правда, все стены загромождены книжными стеллажами, а свободные места чуть ли не от потолка до пола увешаны картинами, однако это ведь не для всякого сокровище. Тем паче если книжки на русском языке, а на картинах изображены не пустыня, пирамиды и сфинксы, а какие-то тесные, заросшие лесом пространства, извилистые речки, неказистые дома... Россия!

Много старинных фотографий.

– Это наше имение, нижегородское, – показывал Васька. – Это мой предок, помнишь, египтолог, я тебе про него рассказывал? Это матушкины родители во время свадебного путешествия в Париж...

Все-таки без сфинкса не обошлось и здесь: Марьяна с изумлением увидела его на одной из фотографий. Однако же фоном служили отнюдь не пустыня и пирамиды, а Зимний дворец в Петербурге. Точно! Академия художеств, Васильевский остров... Рядом с огромной покоробленной сфинксовой лапой стояли юноши в студенческих тужурках, которые носили в начале века.

– Это фото 1912 года, – пояснил Васька. – Князь Шеметов тогда заканчивал университет. А это его кузен – между прочим, будущий академик Василий Струве, тот самый, который расшифровал надпись на подножии сфинкса.

И, прикрыв глаза, Васька продекламировал нараспев:

– «Да живет Гор, Могучий телец, коронованный богатый Маат, господин Диадемы, укрепитель законов, соединитель обеих земель, устроитель Египта, Золотой Гор, Могучий телец царей, покоритель девяти луков, обуздатель варваров, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка обеих земель, Аменхотеп Третий, подобие Ра...» Этой надписи тысячи лет, а расшифровал ее наш родственник! – горделиво добавил Васька, распахнув сияющие глаза.

– Ну, у тебя, я погляжу, родня знатная, – усмехнулась Марьяна, сунув наконец в угол обезьяну, которую порядком возненавидела за сегодняшний день. – А мой отец, между прочим, говорил, что его далекий предок – тот самый офицер и дипломат Муравьев, который увидел этих сфинксов в Александрии и раздобыл денег на их покупку.

– Правда, что ли? – недоверчиво переспросил Васька, и Марьяна перекрестилась:

– Святой истинный крест! Это наше семейное предание!

– Господи! – всплеснул руками Васька. – Да ведь это же чудо, перст Господний, что мы встретились! Я всегда верил в такие случайности судьбоносные, и...

Он осекся и виновато покосился на Марьяну, очевидно, вспомнив, благодаря какой именно «судьбоносной» случайности они сегодня встретились.

– Ой... – простонала та. – У меня от жары совсем мозги спеклись! Звонить же надо скорее! Где телефон?

– Здесь, здесь, – захлопотал Васька. – Сюда, прошу.

Телефон висел на стене и явно был позаимствован из какого-нибудь белогвардейского реквизита. Марьяна с опаской сняла трубку, не сомневаясь, что для начала надо будет кричать: «Алло, Центральная?» Или: «Барышня, соедините!» К ее изумлению, в трубке раздался обыкновенный гудок, да и диск с цифрами оказался не декоративным, а вполне действующим.

Условно говоря – потому что, сколько ни крутила Марьяна этот диск, ни один из пяти известных ей номеров не набирался. Мертво молчал дом Азиза. Никто не брал трубку на вилле. Сотовые Виктора, Ларисы, Надежды вообще то не соединялись, то сигнализировали «занято».

– Ну что? – нетерпеливо спросил Васька, успевший приготовить чай: правда, чай оказался совершенно арабский, очень крепкий и приторно-сладкий, поданный, как здесь было принято, в махоньких стеклянных стаканчиках.

Марьяна медленно повесила трубку:

– Не знаю. Почему-то все телефоны молчат. По-моему, там не очень хорошо.

Она боялась, что Васька спросит: «Что это значит?» Если бы Марьяна могла представить хоть один вариант, кроме самого плохого! Санька... Санька, неподвижный, окровавленный, виделся ей. И рядом, выронив из мертвых рук револьвер, – Григорий.

Что-то горячее плеснулось на ноги. Марьяна вздрогнула, испуганно оглянулась. Да она же пролила свой чай!

– Извини, – пролепетала чужими, непослушными губами.

– Ничего, бывает, – хмуро отозвался Васька. – Только знаешь что? Мы ведь ничего наверняка не знаем, поэтому глупо так переживать, по-моему.

Марьяна быстро и мелко закивала, пытаясь смахнуть слезы, навернувшиеся на глаза. Если она потеряет еще и Григория, тогда всё. Всё, просто – всё! Ой, нет, Господи, помилуй, помилуй и спаси! С ним ничего не может случиться. Нельзя думать о самом плохом, не то как раз и накличешь!

Васька осторожно взял из ее судорожно сведенных пальцев пустой стаканчик, подал другой – и не отходил от Марьяны до тех пор, пока она не пропихнула чай в горло. Кивнул:

– Вот так, хорошо. Теперь пойдешь умыться. Там, в ванной, на полках чистые полотенца. А когда немного придеешь в себя, поговорим.

Она послушно вышла из комнаты – нестерпимо захотелось остаться одной.

Когда Марьяна через четверть часа вернулась, поправляя мокрые волосы, Васька что-то говорил по-арабски в телефонную трубку со страшной скоростью – так что Марьяна и двух слов не разобрала.

– Я позвонил маме, – сказал он, положив трубку и оглянувшись на Марьяну. – Попросил ее прийти, посидеть с тобой, пока я прогуляюсь с друзьями.

Марьяна вскинула брови:

– В разведку? На горячую точку? Все-таки решил?

– Это самое разумное, ты же понимаешь, – пожал плечами Васька. – На меня никто не обратит внимания. Мы с Китмиром где хочешь пройдем. А тебе лучше там не показываться... пока. Мало ли что... Но что бы я ни узнал – ей-Богу, сразу же позвоню, сообщу, что и как.

Он выгреб из кармана горсть жетонов для автомата:

– Видишь? Обязательно позвоню!

«Странно, – подумала Марьяна. – Почему тогда понадобилось сюда ехать? Могли бы прямо на улице начать звонить». Впрочем, на улице не было этого благословенного, спасительного душа...

– Давай договоримся на всякий случай, – сказал Васька. – Ты, когда телефон зазвонит, трубку сразу не бери. Я выжду два гудка, потом снова перезвоню. Еще два. Ты опять не бери трубку. И только на третий раз...

Марьяна невольно взглянула поверх его плеча на полку над телевизором, где в беспорядке громоздились потрепанные коробки с видеокассетами. Так... «From Russia with love», «Gold Finger», «Hard to Kill»... Понятно. Агенты 007 и разные прочие Нико. Единственный союзник Марьяны – просто мальчишка, который, конечно, искренне сочувствует соотечественнице, но при этом от всей души «отрывается» в создавшейся «криминальной ситуации». Да ладно, пусть поиграет. В конце концов, чем еще она может вознаградить его за хлопоты? Не совать же фунтовые бумажки русскому князю!

– Что, шифровка для Блюхера? – все-таки не удержалась она от иронии. – Или как это там... цветок на подоконнике для профессора Плейшнера? А говорить ты будешь нормально или тоже шифром? Может, акrostихами будем изъясняться?

– Нет, акrostихи устно никак не понять, – серьезно сказал Васька. – Однако мало вероятности, что мой телефон прослушивается. А вот если бы нам пришлось переписываться, пришлось бы разработать систему цифровых шифровок. Накалывать на определенных страницах буквы...

– Например, вспомнив твою татуировку на ладони? Нет, знаешь ли, уж лучше лимонным соком писать, – устало промолвила Марьяна. – Или молоком. А потом чернильницу, слепленную из хлеба, съесть.

– Как Ленин в тюрьме, да? – хихикнул Васька. – Однако же заболтался я чрезмерно...

«Да уж», – чуть не сказала Марьяна, однако сдержалась и лишь кивнула.

– Побежал! – крикнул он, выскакивая на крыльцо. – Живой ногой обернись. Китмир! За мной! Два звонка, потом еще два...

И юнец с собакой исчезли в лабиринте глухих заборов, до того напоминающих окрестности виллы «Клеопатра», что Марьяне даже не по себе сделалось от такого мрачного совпадения.

Она ушла с раскаленного крыльца в прохладные сумрачные комнаты и сначала долго сидела в кресле, незряче разглядывая потускневшие от времени, кое-где даже потрескавшиеся картины. Она не спросила, был ли Васька хоть раз в России. Вряд ли: дорогое удовольствие, а живут, по всему видно, хоть и стабильно, но не в большом достатке. Так что для него Россия воплощена в этих старинных, щемяще-прекрасных, почти фантастических своей недоступностью пейзажах. Для нее сейчас – тоже. Господи, чего бы она только не дала, чтобы сейчас оказаться на берегу вон того озера!

Идиллический пейзаж вдруг поплыл перед глазами, и Марьяна поняла, что это слезы. Вскочила, бесцельно засновала по комнате. Опять принялась набирать уже наизусть затверженные номера, однако ни один по-прежнему не отвечал. Марьяна с ненавистью посмотрела на телефон, повесила трубку, пожалев, что конструкция аппарата не позволяет грохнуть ее на рычаг. Ох, хоть бы уж пришла эта самая матушка Васькина. Как бишь ее зовут? Татьяна... а по батюшке? Нет, Татьяна – это какая-то там Васькина прабабушка. А имени своей матери он не назвал. Забыл, что ли? То есть Марьяна вообще ничего о ней не знает. И если придет любая женщина и скажет, что она какая-нибудь Милица Кирибитьевна или Марь-Ванна Шеметова, Марьяне придется поверить ей на слово. А та вдруг выхватит из кармана тряпку, пропитанную хлороформом, и...

Ну, мания преследования обострилась! Марьяна не глядя схватила с полки какую-то книжку, открыла наугад, рухнула в кресло, заставила глаза приковаться к строчкам, с трудом разбирая дореволюционный шрифт с ерами, ятями, ижицей и фитой:

«Можно сказать, что Хеопс был похоронен в солнечных часах. Пирамида, которая считается усыпальницей этого фараона, была построена с уклоном граней 51 градус и 51 минута, а все плиты имели ширину 1,356 метра. Именно на 1,356 метра ежедневно укорачивается тень от пирамиды – вплоть до своего полного исчезновения в день весеннего равноденствия – в последний день года древних египтян. То есть Большая Пирамида отсчитывает год с большой точностью: до 0,24219 дня!»

Марьяна быстро перелистала книжечку. Все в таком же роде – малопонятно, зато интересно. На титуле название: «Тайна пирамиды Хеопса. Сочинение князя Василия Шеметова, Париж, 1932 год».

Ого! Не слабые книжки писал Васькин предок! Академик!

Однако читать больше не было сил. После ухода Васьки прошло всего полчаса, однако Марьяне казалось, что не меньше полудня. Солнце и впрямь скоро двинется к закату, а там мгновенно рухнет темнота. Здесь вечер – понятие условное.

Вокруг нее ощутимо смеркло, только из соседней комнаты проглядывало чуть заметное свечение. Марьяна почему-то на цыпочках прокралась к двери – и тихо ахнула, увидев огонечек лампадки под образами в вышнем углу.

Все так же, крадучись, она вошла в комнату и тихо стала на колени, прижимая к груди сочинение князя Шеметова, словно молитвенник.

Огромные, вечно печальные глаза Пресвятой Девы кротко смотрели на Марьяну из-под низко надвинутого на лоб белого убруса, шитого не то жемчугом, не то серебром, не то белым шелком. Мальчик у нее на руках глядел затаенно и равнодушно.

– Господи, Иисусе Христе, – робко сказала Марьяна, – матушка Пресвятая Богородица! Помилуйте всех, кого я люблю. Папочка, родненький, заступись за нас здесь, на чужбине! Пожалуйста, спаси Григория и Саньку, Виктора, Надежду, Женьку, Ларису – всех наших!

Небесные, предвечные мать и сын смотрели на нее выжидательно: мол, кого еще назовешь? Себя не забудь! Марьяна на всякий случай попросила еще и за князя Ваську, ну и матушку свою упомянула, хотя вряд ли ей там что-то угрожало, в том баснословно далеком Дивеевском монастыре, за тридевять земель отсюда. Наконец-то Марьяна вспомнила и о себе, и за себя помолилась...

И тут телефон начал трезвонить. Однако это были не условные Васькины звонки, а долгие трели. Похоже, звонившие к Шеметовым были весьма терпеливыми людьми, потому что один раз Марьяна насчитала пятнадцать басовитых, напоминающих паровозную сирену гудков! Только тут она вполне оценила выучку и мудрость князя-суперагента: не разработай Васька свой код, Марьяна хватала бы трубку на всякий бряк, а ведь наверняка все приятели Шеметовых – местные, арабы. Хороша была бы Марьяна, отвечая на их недоуменные вопросы со своим более чем скудным словарным багажом! Разве что по-английски... Но как объяснять, пусть и по-английски, кто она и почему сидит у Шеметовых на телефоне?

А потом телефон замолчал, и надолго. Однако легче Марьяне не стало, потому что, когда она, посидев в тишине, снова решилась дозвониться до кого-нибудь из своих, трубка не откликнулась гудком.

Аппарат отключился.

Марьяна уставилась на него с испугом, щедро приправленным ненавистью. Теперь она совершенно не представляла, что делать!

Бежать отсюда? Ждать? Но чего ждать?

Ей частенько приходилось искать подсказку судьбы в наобум раскрытых книжках, искать в сумятице строк особый пророческий смысл. Вот и сейчас: не глядя, открыла «Тайну пира-

миды», оказавшуюся под рукой весьма кстати, не глядя, ткнула пальцем в страницу. Однако почему-то никак не могла решиться посмотреть на предсказание. Наконец, двадцать раз уверив себя, что все равно это просто чепуха, осторожно прочла:

«Еще Страбон писал о пирамиде Хеопса: «На боку пирамиды на небольшой высоте есть камень, который можно отодвинуть. Если приподнять этот камень, откроется извилистый ход, ведущий к могиле».

В это последнее слово и упирался палец Марьяны, словно указующий перст судьбы...

Тут слезы снова нахлынули, а поскольку некого было стыдиться, кроме себя, Марьяна и предалась единственному доступному ей занятию: горькому плачу.

Испугавшись, что вот-вот просто спятит на почве истерики, наконец пошла в ванную и долго умывала распухшее, горящее от слез лицо, пока не спохватилась, что за шумом воды не услышит звонка, если телефон каким-то чудом исправится.

Ринулась обратно в комнату – и запнулась, услышав чей-то негромкий окрик за окном:

– Эй, ты! Выходи!

Говорили по-английски.

Марьяна, прячась за выгоревшей, однако до хруста накрахмаленной ситцевой шторкой, подкралась к окну – и обомлела, увидев две высокие мужские фигуры, стоявшие в палисаднике и наставившие на дом пистолеты.

Первым чувством было какое-то полудетское, наивное изумление полной разболтанностью охраны правопорядка в этом несусветном городе. Ни стыда, ни совести у здешних громил! А вдруг все-таки нагрянет полиция? Хоть бы для приличия таились, перебежали к крыльцу под прикрытием кустов...

Ей стало чуть полегче, когда один из незнакомцев, невысокий, тощий араб, задрал майку и вынул из-за пояса нечто, до боли напоминающее полицейский жетон.

Неужели все-таки правопорядок здесь блюдется?! Марьяна не верила своим глазам: от кого охраняют граждан? От нее? Каким образом и почему на нее вышли местные копы, столь старательно загримированные под уличных оборванцев? Предположим, они-то и есть суперагенты, но какой интерес для них может представлять какая-то Марьяна? Неужели предполагают, что это она навела «порядок» на вилле «Клеопатра», а потом сбежала? Глупости. И откуда они вообще знают о ее местонахождении?! Следили за их с Васькой такси? Чего ради?! Единственное правдоподобное объяснение, которое могло прийти в голову: соседи заметили мелькающую в доме фигуру и подняли тревогу. Однако, оглядев глухие заборы и завешанные тряпьем балконы ближней «высотки», Марьяна покачала головой. Куда там! Если только в одном из домов не выставлена стереотруба, никто не мог дать знать в полицию о ее присутствии, кроме...

Кроме Васьки.

Ну конечно же! Все очень просто, даже смешно. Васька, очевидно, обнаружил на вилле «Клеопатра» что-то такое, из-за чего вызвал полицию. А они поехали за Марьяной – может быть, как за единственной оставшейся в живых обитательницей этой виллы...

У нее перехватило горло от ужасной картины, вмиг нарисованной воображением, и тут взгляд ее оторвался от араба (который под прикрытием своего жетона все ближе подбирался к крыльцу) и упал на его спутника, толстощекого негра в полосатой рубашке навывпуск и просторных белых штанах.

Марьяна могла бы спорить на что угодно, что уже видела его сегодня. Но где? Случайно на улице? Да она их штук пятьсот видела, негров-то, с чего было запоминать именно этого? Или просто кажется? Да неважно, ей-Богу. Все разъяснится, когда она выйдет к этим бравым местным копам. Нет, не очень-то бравым: вон как наставили на дом револьверы! Будто собираются брать «незаконное бандформирование»! Марьяна вымученно улыбнулась мимолетному

воспоминанию. Неужели Васька не сказал им, что она здесь совсем одна, не вооружена и вполне безопасна?

Что, выходить с поднятыми руками – на всякий случай? Криво усмехнувшись, она шагнула к выходу, потянувшись за платком, брошенным на стул. Платок соскользнул, Марьяна наклонилась за ним, но нечаянно смахнула на пол сочинение академика Шеметова. Жаль, не прочитала. Разве что одолжить на время? Поможет отвлечься. Васька, наверное, не будет возражать.

Она шагнула к выходу – и вдруг увидела, что во дворе уже не два, а три человека.

От калитки торопливо шла невысокая худенькая женщина, смуглая и изящная, как арабка, однако с выгоревшими льняными кудрями и удивительными ярко-бирюзовыми глазами. На ней была какая-то смешная белая панамка и ситцевое просторное платье. Выглядела она совсем как девчонка, однако Марьяна сразу догадалась, кто эта неожиданно появившаяся женщина. Васькина матушка наконец-то пожаловала!

Надо полагать, она очень удивилась, обнаружив в своем садике двух копов, засевших на клумбах с пышными гладиолусами. Особенно бесцеремонно держался негр, который воздвиг свое толстое тело точнехонько посреди клумбы, сломав несколько хрупких стеблей. Марьяна не без злорадства проследила за взглядом хозяйки, мечущим бирюзовые молнии в этого наглеца, – и вдруг у нее ослабели коленки, сухо, отвратительно сухо сделалось во рту.

Она вспомнила, где видела толстого негра с затылком, складками нависавшим над шеей! Именно в этот затылок Марьяна рассеянно смотрела не меньше получаса – всю дорогу от Золотого базара до Гелиополиса, пока они с Васькой ехали в такси.

Шофер этого самого такси и стоял перед нею!

Вихрем отлетела последняя надежда, что араб-полицейский пригласил этого водилу в качестве понятого для задержания подозрительной личности: понятым как минимум не дают револьверов с таким длинным, странно длинным стволом. Как же Марьяна не разглядела сразу глушителей! Будь здоров, полиция! Можно представить себе их жетоны. Хотя жетоны-то вполне могут быть и настоящими, ведь хозяйка не заметила подделки.

И тут Марьяну словно толкнуло в сердце. Она вспомнила мгновенную Васькину усмешку при ее заносчивых словах: «Я сама возьму такси!» Он охотно позволил ей подстраховаться, унять свои подозрения, потому что не сомневался: они все равно поедут именно на той машине, на какой нужно, с его сообщником!

А Марьяна-то еще удивлялась, что погоня отстала... Ничего себе – отстала! Васька был неотступно при ней с самого первого шага, а тех двоих незадачливых негритосов он вывел из игры, чтобы втереться к Марьяне в доверие.

Зачем ему, интересно, это понадобилось, если все закончилось вполне закономерно: вульгарной ловушкой в его же доме? Ах да, сначала ведь все были уверены, что бежала Лариса с Санькой на руках. А потом Васька передал куда надо новую информацию – скорее всего через толстяка Ани. А может быть, тот, «вырубленный», преследователь был вовсе не вырублен, а просто перешел на запасные рубежи. И татуировка на Васькиной ладони имеет вовсе не святое, возвышенное, а самое что ни на есть низменное и зловещее значение...

Марьяна резким движением смахнула слезы. Не время плакать! Что она тут стоит как дура и ждет, пока эти «жареные петухи» возьмут ее? Пришедшее на ум любимое выражение Надежды вселило бодрость. Эх, лихая БМП уже наверняка бы здесь развернулась крутым виражом! Конечно, Марьяна не способна кричать: «Кий-я!» – и бить пяткой по головам, однако бегать-то элементарно она еще не разучилась. И в окошко, ведущее на задний двор, вылезет запросто. По стене, конечно, вскарабкаться не просто, однако в дальнем углу она увидела нагромождение каких-то ящиков и коробок... Попытка не пытка, а Бог, как известно, если не выдаст, то и свинья не съест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.